

Елизавета
Дворецкая

The central illustration depicts a woman with long, flowing brown hair and a headband, wearing a grey long-sleeved top and a dark skirt with a wide, patterned belt. She stands in a dark, arched opening, holding a small object in her hands. Behind her, a large, intense fire burns, and a spectral, flame-like face is visible within the flames. To her left, a grey wolf's head is shown in profile, looking forward. The entire scene is framed by a decorative, grey, stylized vine or tree pattern on a deep red background.

ПОСЛЕДНИЙ ВЗГЛЯД МАРЕНЫ

КОЛДОВСКАЯ
РУКЪ

Лес на Той Стороне

Елизавета Дворецкая

Последний взгляд Марены

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дворецкая Е. А.

Последний взгляд Марены / Е. А. Дворецкая — «Эксмо»,
2017 — (Лес на Той Стороне)

ISBN 978-5-699-94354-8

Середина IX века, земля кривичей. Покидая земной мир весной, богиня Марена-Зима бросила последний взгляд с погребального костра на шестнадцатилетнюю Младину из Залом-городка. И что-то в девушке изменилось: она обрела способность говорить с русалками, видеть умерших, белая волчица стала выходить к ней из леса, чтобы помочь в трудный час. Иная сущность в ней набирала силу и наконец вытеснила из человеческого мира в лес — в избушку волхвы Угляны, которая, как говорят, и есть ее настоящая мать. Все дальше заходит Младина по тропам незримых, отыскивая парня, который снится ей и почему-то убежден, что они были обручены много лет назад...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94354-8

© Дворецкая Е. А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Елизавета Дворецкая

Последний взгляд Марены

© Дворецкая Е., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Земля кривичей, 852 год

Часть первая

Кровь деревьев

Зима подходила к концу – одна из бесконечной цепочки зим, очередной выдох Лада Всемирья. Марена одряхла, устала, у нее больше не было сил волочить по земле свое старое промерзшее тело. Костлявая, морщинистая, осыпанная длинными, совершенно седыми слипшимися волосами, с провалившимся ртом и погасшими глазами, она уже ничем не напоминала ту стройную красавицу, что прилетела в земной мир на черных лебедях четыре новолуния назад. Теперь она хотела только покоя, мирного сна, который незаметно перейдет в смерть... и новое рождение.

Ее власть над земным миром рушилась – везде таял снег, в воздухе носился запах мокрой земли. Перед умирающей старухой лежала темная дорога вниз – во владения Велеса, ее супруга и повелителя, где ей предстояло прожить всю светлую половину года. Но прежде чем смириться, как смирялась она всегда, подчиняясь установленному ходу годового колеса, прежде чем отдаться той силе, что влекла ее вниз, старая Марена устремляла взгляд вверх, выискивая того, кому вскоре предстояло проснуться.

Она сама стелила ему зимнюю постель из темной шерсти снеговых облаков. Она сидела возле него, могучего красавца, напевая колыбельную песнь, любовалась его лицом с закрытыми глазами, но даже не смела прикоснуться ледяными пальцами к высокому крепкому лбу, к золотисто-рыжей бороде, огненно-светлым бровям. Его широкая грудь мерно вздымалась, от сонного дыхания колебались зимние тучи. Редкие взрывы могучего храпа разносились над землей раскатами грома, заставляя род человеческий дивиться отголоскам грозы посреди зимы. Тогда молодая Марена нежно улыбалась, радуясь его жизненной силе. А он даже не знал, что она сидит рядом, и не ее видел во сне небесный воин...

Неслись над землей метели, сыпал снег, трещали морозы. День ото дня Марена старела, растрачивая свою силу на очищение мира от всего отжившего. Бессилие клонило ее вниз, ровно колос к земле, и она опускалась, напрасно протягивая к Перуну слабеющие руки и больше не в силах до него дотянуться. И вот теперь ей пришла пора уйти, а ему – проснуться. Именно сейчас, когда он наконец откроет свои светлые очи и озарит небосклон первой вспышкой небесного пламени, ей придется уйти во тьму. Не на нее падет его первый взор, еще сонный, но уже полный жизни и предвкушения всех ее радостей. Радостей, которые ей не дано разделить...

Все более мощно лилось золотое сияние сквозь трещины в темной туче; огненный шар, одевающий спящего Перуна, жег глаза Марены, она не могла смотреть, закрывала морщинистое лицо дрожащей ладонью, не то стремясь уберечь себя, не то пытаясь скрыть от Перуна свое старческое безобразие. Черная тропа затягивала ее, и старуха поневоле скользила вниз, как на салазках с горы – на тех самых, на которых перевозит каждого умершего во владения Кощея. В безнадежном усилии цепляясь за мокрую землю, которую растаявший снег сделал жидкой и не способной послужить опорой, старая Марена оглянулась в последний раз, будто желая оставить на земле хоть что-то от себя. Она знала лишь один способ остаться наверху и дожидаться того сладкого мига, когда *он* проснется...

* * *

– Ну, девки, пляшите!

Путим, средний сын старейшины Леженя, с мокрой от снега шапкой в руке вошел из сеней и весело оглядел женщин в избе. Их было много, он не сразу разглядел, где же находятся

девки, к которым он обращался, и еще раз повторил: «Пляшите, ну!», точно ждал, что они и впрямь, бросив все дела, немедленно пустятся в пляс между столом и печью.

Все дружно обернулись: и его старшие дочери, Младина с Весноярой, сидевшие у жернова, и младшие – Травушка с Капелицей, перебивавшие горох, и Бебреница, жена Путима, и даже Муравица, старшая Леженева сноха, зашедшая к Путимовичам по каким-то бабьим делам.

– Видел я на реке Вологу, так он сказал, что Леденичи решили осенью женить парней, – продолжал Путим, проходя вперед. – Нашли место под новый пал хорошее, старую вырубку весной жгут, значит, осенью с хлебом будут, и на будущий год тоже. Потому и решили свадьбы играть на Макошину Неделю. Так что прощайся, мать, с девками, на Коляду уж не будет их у нас тут!

– Да верно ли? – переспросила Бебреница, в то время как девушки-невесты затаили дыхание.

– Волога чурами клянется, что сам Красинег ему сказал. Так что, девки, по осени приедут к нам охотники: не по лисицу, не по куницу, а по красную девицу!

– О! – Поверив наконец своему счастью, Веснояра и Младина разом вскочили и запрыгали возле жернова.

Две младшие сестры скакали заодно с ними, восторженно вопя. Травушке и Капелице было только одиннадцать и тринадцать лет, им сватов предстояло дожидаться еще долго, но спровадить замуж старших сестер всегда приятно: знаешь, что больше никто на дороге не стоит и теперь твой черед. В избе поднялся гвалт, наперебой говорили что-то Бебреница и Муравица, бабка высунулась из-за печи, высвободив из-под платка морщинистое ухо в надежде, что это поможет ей расслышать, о чем речь.

Издавна между жившими на реке Сеже родами существовал порядок, кто откуда берет невест, чтобы не жениться между родней, но и не связываться невесть с кем. В этом поколении Заломичи давали невест Леденичам, и это считалось большим событием: два исконных рода заново скрепляли уже не раз связавшее их родство. Но в последние два года Леденичи не женили подросших парней: старые поля давали плохой урожай, и старики не хотели увеличивать число едоков в роду. Второй год вели разговоры о вырубке новой жарыни, которая обеспечит хлебом на несколько лет вперед, но не могли выбрать подходящего участка. Поблизости от дома свободной земли почти не оставалось, а уходить дальше – жилье переносить, отделять кого-то из сыновей – там еще не считали нужным. Но вот прошедшим летом отцы выбрали новый участок, в удалении от жилья, но хороший, ровный, поросший вереском, что обещало богатый урожай. В месяц червень, когда листва распускается на полную силу, его вырубili, теперь, в травень, когда все как следует просохнет после таяния снегов, сожгут, и к осени каждое зерно, брошенное в теплую золу, принесет шестьдесят, а то и восемьдесят зерен! А это обещало невестам Заломичей долгожданные свадьбы. Веснояра дожидалась своей доли целый лишний год, а Домашка, старшая внучка покойного Яробуда, и все два.

Постепенно радостные вопли стихли, девушки и женщины вновь принялись за дела, но теперь им трудно было спокойно усидеть на месте: глаза блестели, руки дрожали. Новая жизнь казалась так близка, что хотелось вскочить и бежать. Младина, сыпавшая зерно в верхнее отверстие каменного жернова, едва не засеяла пол. А этого делать не следовало: весной хлеб от старого урожая заканчивался, через месяц и Заломичи собирались поджигать новую жарынь, а до нового урожая приходилось жить впроголодь. Сейчас уже к остаткам муки добавляли растертый «змеиный корень», белокрылку, пекли лепешки из тертых желудей. Бебреница тем временем толкла в ступке сушеные ягоды толокнянки – их тоже добавляют в хлеб, когда муки не хватает.

– Ну, как тут у вас дела? – Путим сбросил кожух, от которого в духоте избы сразу пошел приятный, свежий и прохладный дух.

– Все, последнее жито выгребла. – Бебреница кивнула на жернов, где Веснояра крутила деревянную ручку, вставленную в отверстие верхнего круга. – Последний хлеб печем.

– Стало быть, по родне пойдем? – Путим улыбнулся. – И то хорошо! Я Ожининых или Ракитиных с самого новогодья не видал! Но сперва к Хотиловичам.

Веснояра и Младина переглянулись.

– И мы с тобой! – в один голос воскликнули они. – И мы сестер с новогодья не видали!

– А не боитесь, что волки по дороге съедят? – усмехнулся отец.

– С тобой, батюшка, не боимся! Пусть они тебя боятся!

Девушки не зря гордились: их отец, средний сын Леженя, уродился самым рослым и могучим мужиком в семье; до женитьбы он несколько лет оставался бессменным вожаком молодежной «волчьей стаи» и после того еще долго славился как лучший боец на всей Сеже и окрест. В нем словно заново родился Залом Старый, основатель рода, о котором рассказывали предания.

Свой род сежанские славяне вели от древнего прародителя Крива-Велеса. Прямым потомком Крива и верховным жрецом племени считался смолянский князь, которому сежане платили дань и таким образом причисляли себя к большому, иначе старшему племени кривичей. Старики говорили, что Залом – не первоначальное имя пращура, а прозвище, возникшее, когда он «заломал» местного голядского князька в рукопашном поединке. Ибо издавна всеми землями вокруг владело племя голяди, а люди славянского языка стали проникать сюда в последние лет двести – где миром, а где и как получится. Лет десять назад Заломичи на старом валу заново построили стены из продольно уложенных бревен взамен обветшавших, еще голядской постройки, и сейчас жили в самом большом и прочном городке на всей Сеже. Голядь же заложила святилище Овсенева гора; там они поклонялись своему богу Овсеню – волхвы говорили, это не то Ярила, не то Дажьбог.

У сежанских кривичей поддерживался старинный обычай – хлеб, выпеченный из последнего зерна прошлого урожая, полагалось разделить со всей родней. А поскольку хлеб кончался, как правило, у всех одновременно, то с разницей в несколько дней все сежане и касняне начинали ходить из веси в весь с караваями из муки вперемешку с растертой белокрылкой, толокнянкой или желудями. Зато заворачивали эти караваи в самые красивые вышитые полотенца. Из последнего зерна с толокнянкой, собранного со всех заломичских хозяйек, Бебреница и Муравица испекли восемь хлебов – по числу родов, находившихся с Заломичами не далее седьмой степени родства. Снарядили посланцев в разные стороны: туда, откуда Заломичи брали жен для сыновей, отдавая взамен своих дочерей. Самому Леженю, да и Радоте не под силу было пускаться в дальний путь, и Путим, как старший после них, сам отправился к наиболее близкой родне – Хотиловичам.

Самая близкая родня жила, однако, далеко – целый день приходилось ехать, пользуясь остатками санного пути, сперва по Сеже, потом по ручьям и оврагам через лес.

– К Угляне завернете? – спросила, провожая их, Бебреница.

– Чего по лесу кружить в такую пору, пусть Младинка отнесет.

– В прошлый год ты сам к ней ездил, не обиделась бы...

– В прошлый год санный путь об эту пору еще держался. – Путим покачал головой. – Засядем у нее в лесу, до лета не выберемся!

– Тебе видней, – согласилась жена и взглянула на Младину.

Время от времени каждый из родов волости относил что-то из припасов волхвите, не имевшей своего хозяйства: их полагалось оставлять в известном месте, под дубом. Младина лучше всех знала туда дорогу, потому что еще давным-давно, когда ей только исполнилось семь, бабка Лебедица выбрала ее в качестве бессменной посланницы.

Повесть о том, почему Хотиловичи, потомки прежнего старейшины Заломичей, оказались так далеко от исконного родового поселения, а Угляна, Хотилина младшая вдова, посе-

лилась совсем отдельно в лесу, походила на чудесный сказ. Лет двадцать назад Хотила, иначе Хотислав Гостимирович, по заслугам пользовался всеобщим уважением. Уже имея взрослых сыновей, он взял вторую, молодую жену, из рода Глуховичей. Девка была рослая, красивая, за густые угольно-черные брови в роду мужа ее прозвали Углянкой. В первый же год она родила сына, и все шло хорошо, да приглянулась молодуха тогдашнему волхвиту по имени Паморок. И однажды ночью Хотилина молодуха, обращенная в черную кошку, против своей воли сбегала из дома и от мужа, оставив на лежанке даже исподнюю рубаху, и никто не знал, куда она делась, что с ней стало. Лишь через несколько лет молодой князь смолянский Зимобор, с полюдем обходивший земли, сумел разгадать загадку и вернуть Углянке человеческий облик. А Паморока на глазах у людей увели под лед водяные девы¹.

Углянка вернулась к мужу, но прежнее счастье в семью не воротилось. Слишком долго она пробыла под властью чар, чтобы снова стать обычной бабой. Весной она ясно видела русалок, а осенью и зимой – мертвых, приходивших к обрядовому угощению. Люди стали ее сторониться, опасаться, и не раз Хотиле намекали, что лучше бы ему не держать в доме испорченную бабу. Но Хотила не пожелал расстаться с любимой женой, которая и без того пострадала без вины. Род Заломичей к тому времени так размножился, что ни места на старом голядском городище, ни хлеба на всех не хватало, и Хотила решил отселиться. Уступив главенство над родом младшему брату Леженю, он ушел с четырьмя взрослыми сыновьями и одним маленьким, сыном Углянки. Обосновались они довольно далеко и жили поначалу неплохо – кругом было много свободного леса, и Хотиловичи ходили «в зерне по шею», как о них с завистью рассказывали.

Но еще через несколько лет, когда умер сам Хотила, Углянка совсем утратила разум: стала заговариваться, кричать, драться с кем-то невидимым... Не спала ночами, сидя до зари у окошка и будто ожидая кого-то. И следила глазами за кем-то в избе, видимым ей одной. Пасынки, опасаясь за собственных детей, выпроводили ее вон: отвезли в пустовавшую избу волхвита Паморока и оставили там жить, лишь доставляли припасы. В избе среди леса ей как-то удалось обуздать мучивших ее духов – а может, помог кто, – и теперь это была знающая волхвита, умевшая изгонять болезни, заклинять нужную для земледельца погоду, договариваться с малыми полевыми, лесными и водяными хозяевами. А главное, способная проводить дух умершего, чтобы обеспечить в нужный срок его возвращение в род новорожденным младенцем. Зимой парни-«волки» делились с ней добычей, летом она собирала редкие травы, которые не всякая хозяйка знает. Осенью ее приглашали оберегать свадьбы от невидимого зла, и она являлась – в волчьей шкуре и с большой лохматой метлой наперевес. Углянка оставалась довольно странной, как почти все волхвы, но теперь, в удалении от жилья, люди не боялись, что ее странности повредят прочим и духи, которых она притягивает к себе, заденут других.

* * *

Когда Путим с двумя дочерьми и племянником Ярко добрались до Хотиловичей, уже начало темнеть.

– Здравствуйте, люди добрые! – весело начал Путим, входя в избу Суровца, старшего сына покойного Хотилы. – Пришли мы к вам не с пустыми руками, а с подарками! Прими, хозяйка, последний каравай – где нам хлеб, там и вам хлеб!

При их появлении все в избе вскочили, младший внук Звенец бросился за родичами, что жили в своих избах.

– Ох, и у вас последний каравай! – запричитала Вербница, Суровцева большуха, по очереди обнимая гостей. – Ох, холодные какие – замерзли небось! Раздевайтесь, к столу давайте,

¹ Об этом в романе «Лесная невеста. Проклятье Дивины».

я уж накрываю! Я и сама вчера еще Приберихе говорила – этот хлеб доедим, а с новым по родне пойдем – и у нас ведь в яме пусто!

Явились Путислав и Гостирад Суровичи с женами, жены принесли своих младенцев. Все уселись за стол, маленьких детей посадили на колени, подросшие мальчики и девки встали за спинами отцов. Хотиловичей сейчас насчитывалось двадцать семь голов обоего пола и всякого возраста.

– Где нам хлеб, там и вам хлеб! – приговаривал Суровец, разламывая каравай по числу сидящих за столом. – А где хлеб, там и боги!

Каждому досталось только по маленькому кусочку от принесенного каравая, но даже это веселило: вот как нас много! Стоял оживленный шум, родичи расспрашивали о новостях, делились своими.

Не было за столом только подрастающих сыновей: от двенадцати лет и до женитьбы парни сежанских кривичей, как и многих других племен, проводили зиму «в волках». От Ярилы Осеннего до Ярилы Молодого они жили в лесу охотой и рыбалкой, добывали меха, которые потом, весной и летом, сбывались проезжающим торговым гостям. Кроме этого, обычай на зиму избавлял роды от необходимости содержать молодую и вечно голодную ораву. Где-то в глуши стояли несколько землянок, в которых на лето оставался только один человек – Одинец, наставник «зимних волков», их глава и жрец, и, как говорили, оборотень.

Когда все поели, каждый старательно собрал крошки со стола и все вместе повалили во двор. С ясного неба глядели звезды. Дед Суровец прикрикнул на молодежь, и все уgomонились, выстроились кругом и замерли, глядя в небо. Сами предки смотрели вниз глазами звезд. Суровец вышел и встал в самой середине круга: рослый – Заломичи вообще отличались статью и крепостью сложения, – бородатый, с седыми густыми волосами, словно капь в святилище, знаменующий середину и ось вселенной. Подняв руки к небу, он запрокинул голову. Строгое лицо в беловатом свете звезд и молодого месяца казалось особенно величественным, и каждый видел в нем сейчас не отца, деда или дядьку, а самого Велеса – повелителя покойных предков, бога Той Стороны и Навьего мира, подателя урожая и всяческих благ.

Вы, боги родные,
Вы, чуры седые,
А придите к нам! —

заговорил он, и от его голоса в сердце каждого словно запели какие-то тайные струны – те самые, которыми душа человека соединяется с духом божества.

Приди к нам,
Хотислав, сын Гостимила,
Гостимил, сын Суровца,
Суровец, сын Добромысла,
Добромысл, сын Яробуда,
Яробуд, сын Путимера Залома,
И ты, батюшка наш, Залом, сын Зорника,
Пожалуй к нам!

Суровец говорил долго, перечисляя своих предков и прочих умерших родичей или дедов – тех, кого помнят по именам. Живших так давно, что имена их забылись, называют чурами и приглашают всех разом.

Закончив говорить, Суровец бросил крошки освященного хлеба через голову назад:
– Бросаю хлеб назади, пусть ждет впереди!

Призываемые предки смотрели на потомков с темного неба сияющими глазами звезд, отвечали им гулом ветра в далеком лесу.

Взвыл волк – так близко, что иные вздрогнули.

Когда обряд закончился, девушки потянули Младину и Веснояру в избу – показывать, какие рубашки вышивают себе к весенним праздникам. Но Веснояра, побыв немного с сестрами, отпросилась на двор подышать. Вышла, постояла, глядя в небо и не спеша вернуться в душное тепло избы. С тех пор как отец сообщил им с Младиной долгожданную новость о грядущих свадьбах, она была сама не своя: то радовалась, то горевала тайком. Нет, ей хотелось замуж, как и всякой девке, но в то же время она не могла не жалеть невольно, что не родилась на поколение позже. Дочери братьев, как подрастут, будут отданы в род Могутичей, куда сама она пошла бы гораздо охотнее, чем к Леденичам. Тот, кого выбрала бы она сама, принадлежал не к тому роду, куда ей и ее сестрам полагалось идти замуж.

Зябко пожившись, Веснояра шагнула назад к избе: хоть и шел уже месяц капельник, а ночами еще подмораживало. Не меньше месяца минует, пока окончательно сойдет снег, полезет отовсюду трава, покроются свежей листвой березы... Настанут Ярилины игрища, последние в ее девичьей жизни...

Вдруг возле стены хлева мелькнула черная тень. Веснояра вздрогнула от неожиданности, шепотом охнула и подалась назад, но кто-то, не различимый во мраке, метнулся к ней, схватил за руку и потянул. Девушка хотела закричать, но крепкая рука зажала рот, и ее потащили в темноту за углом избы, на притоптанный пятачок возле поленицы. Веснояра задержалась, пытаясь освободиться, хотя бы подать голос. Сюда не доставал свет луны и звезд, она ничего не могла разглядеть и лишь чувствовала запах зверя и холода. Рядом был кто-то чужой, какой-то лесной житель. Близость Той Стороны навевала жуть; перехватило дух, ослабели ноги, и если бы Веснояру не прижимали к поленице, она сползла бы прямо на снег.

– Тише ты! Не вопи! – шепнул ей прямо в ухо смутно знакомый голос. – Не узнала?

– Ты к-кто? – еле выговорила Веснояра, как только чужая ладонь, пахнувшая дымом, исчезла с ее рта.

– Да я это! – с досадой, будто она непременно должна была узнать, отозвалась темная тень.

– Тра... Травень, ты, что ли? – с изумлением прошептала девушка, сама себе не веря.

Что за диво: именно о нем она думала вот только что, когда глядела на звезды, и вдруг он сам стоит перед ней, как с дерева слетев! Или игрец какой подслушал ее мысли и прикинулся!

– А то ж! – хмыкнула тень. – Не забыла все-таки!

Глаза привыкли к темноте, и теперь Веснояра смутно различала очертания рослой фигуры. К тому же узнала голос и повадку, которую не могла спутать ни с какой другой. А самый верный знак ей давало ощущение, которое его близость всегда в ней вызывала – немного опасливую радость, возбуждение, беспокойство. Травень сам был такой – горячий, взбудораженный и беспокойный.

– Уж не ты ли это... все был в лесу? – догадалась вдруг она.

– Может, и я!

– Ты как сюда попал?

– Как надо. Не ори на весь двор. – Травень быстро, чисто звериным движением оглянулся.

– Нет, ты отвечай! – Веснояра пришла в себя. – Тебя что, в гости звали? Что ты здесь бродишь, как волк возле хлева?

– Кто же я, по-твоему? – Травень усмехнулся в темноте.

– А здесь чего рыщешь?

– Добычу ищу! Овечку хочу утянуть.

– Какую еще овечку?

– Да вот эту! – Травень обнял ее.

Подняв руки и упираясь ему в грудь, Веснояра ощутила под пальцами холодный мех накидки. «Зимние волки» носят шкуры мехом наружу, а не внутрь, как люди.

– Давно ли ты... – Она погладила длинную прохладную шерсть, желая убедиться, что это волчий мех.

И если так, это значит, что стоявший перед ней одолел волка один на один и принял в себя его дух.

– С Велесова месяца, – с неприкрытой гордостью отозвался новоявленный «волк». – Теперь могу овечку в логово притащить.

Травень происходил из рода Могутичей, и в этот раз им полагались невесты из рода Домобожичей. Ему было уже лет двадцать или около того – Веснояра не спрашивала, да он и сам, наверное, не знал. Рослый, сильный, с широкими крепкими кулаками и темно-русыми кудрями, в беспорядке падавшими на лоб, он многим нравился, и многие девушки на Купалу охотно пошли бы с ним.

Но Травень хотел иметь все самое лучшее, поэтому на праздниках не отходил от Веснояры. Уже четыре года она возглавляла девичьи круги: высокая, стройная, с яркими голубыми глазами, она дышала свежестью и молодой силой, будто сама Леля. Созрела и вытянулась она рано, в тринадцать стала готовой невестой. Отлично зная, до чего хороша, Веснояра выросла бойкой и держалась довольно надменно.

Может, эта надменность и привлекала к ней упрямого и самолюбивого Травеня не менее, чем яркие голубые глаза, солнечно-золотистые брови и выющиеся светлые волосы. Уж не первый год он обхаживал Веснояру на Ярилиных праздниках и зазывал в рощу искать папороть-цвет. Она лишь смеялась: ей суждено жить в другом роду, и сколько бы Травень ни поколачивал леденических парней, оскорбленных покусением на их законное достояние, ему ее не видать.

И уж никак не ждала она встретить Травеня сейчас, еще до возвращения «волков» домой: в ее мыслях он находился так далеко, что она и сейчас, чувствуя себя в его объятиях, не верила, что это не сон.

– Кончились наши игрища! – Опомнившись, она попыталась его оттолкнуть. – Отец рассказал: Леденичи этой осенью за невестами приедут.

– Да я знаю, – без огорчения, почти беспечно ответил Травень.

Эта беспечность задела Веснояру. Ему и горя нет!

– Откуда знаешь?

– К Угляне третьего дня заходили с Вышенькой, ногу лосиную отвезли. Угляна нам сказала, он обрадовался, дурачок!

Вышеня, иначе Вышезар Красинегович, был сыном старейшины Леденичей. Именно ему, по всеобщему мнению, назначалась самая красивая и завидная невеста Заломичей.

– Почему же дурачок? – оскорбилась Веснояра. – Чего же ему не радоваться? Увезут меня к нему по осени... и все.

– Авось еще не увезут! – с непонятной веселой уверенностью отозвался Травень.

– Да как же! – с досадой возразила Веснояра. – Сестрицу Кринку, может, оставят, с ее-то красой несказанной, а меня первой в сани посадят!

– Ну, так пойдем прямо сейчас со мной! Тогда уж не посадят!

– Не пойду я с тобой никуда! – Веснояра вырвалась и отстранилась. – Еще чего придумал! Меня, первую невесту на Сеже, хочешь «волчицей» сделать, опозорить на весь свет!

Старшие из «волков», обладатели волчьей шкуры, иногда умыкали в окрестных поселениях девушек и уводили к себе в лес. По возвращении домой они этих девушек брали в жены, но приданого «волчицам» не полагалось, и замужество такое считалось далеко не почетным. Ибо право на «волчицу» имел не только тот, кто ее привел, и скольким «лесным братьям» она будет женой, зависело только от крепости кулаков.

– Зато тогда уж Леденичам тебя не видать! – Травень рассмеялся.

– Нет. – Веснояра попятилась.

Она понимала, что пришло время решаться: либо принимать судьбу как есть, либо бросать ей вызов. Будь ее воля, она не искала бы другого жениха, кроме Травеня, но не смела пойти против рода и обычая.

– Поди прочь, если такое задумал. Это не под березками гулять, и я ради твоих глаз шальных своей честью не поступлюсь!

– А если Леденичи не станут к вам свататься, ты ведь пойдешь за меня? – Травень снова придвинулся к ней.

– С чего ты взял, что они не станут? – удивилась Веснояра. С тем же успехом Травень мог предположить, что осень вообще не придет. – Собираются, сам ведь слышал.

– Может, я не только это слышал...

– Загадками говоришь! Может, от Угляны к тебе какой дух заскочил?

– Может, и заскочил! – Травень снова засмеялся.

Был он полон странного чувства, смеси радости, тревоги и возбуждения, и Веснояра не понимала, что с ним. Да и как понять: ведь «зимние волки» принадлежат лесу, они в эту пору и не люди вовсе.

– Уйди. – Вспомнив об этом, она снова попятилась. – Нечего тут... Мне и говорить с тобой сейчас не следует...

– Да ну ладно! – Травень опять придвинулся и попытался ее обнять, потянулся к лицу. – С осени не видались, неужели вовсе и не скучала по мне?

Уж он-то точно скучал: и по Веснояре, и вообще по девушкам. Прижав ее к поленице, Травень пытался ее поцеловать, царапая ей щеки отросшей в лесу бородой, а Веснояра отбивалась не шутя: его одичавший вид, лесной запах пугали ее, будто к ней лезет с поцелуями оборотень. Но он не давал ей даже вскрикнуть, и ей стало по-настоящему страшно. Ее держала в объятиях дикая лесная стихия, перед которой она была беспомощна.

– Веснавка, где ты? – вдруг послышался от избы голос Младины.

– Веснояра? – закричал и братец Ярко, молодой мужик, прошлой осенью женившийся и потому избавленный от необходимости уходить в лес. – Волки тебя, что ли, унесли?

– В нужном чулане глянь! – донесся голос бабки Вербницы.

Ну, все семейство на поиски вышло! Заслышав голоса, Травень поднял голову, и Веснояра мигом вывернулась из его объятий.

И он исчез: метнулся во тьму под тыном, где сложенные дрова давали возможность легко перебраться наружу. А девушка, вся дрожа и поправляя платок, шагнула навстречу родичам.

– Ты куда пропала? – Здесь оказался даже и отец, чье обычно веселое лицо сейчас выглядело хмурым. – Где была?

– В чулане... живот... прихватило, – буркнула Веснояра, не поднимая глаз. – А вы всей гурьбой в поход собрались!

– Младинка говорит, на сердце тревога, будто с тобой неладно что-то, вот мы и всполошились...

– Вспомнила, что волки рядом бродят. – Младина в смущении, но и с облегчением взяла сестру за руку. – Горячая... ты нездорова?

– Здорова... почти. – Еще толком не придя в себя, Веснояра не знала, что отвечать, и хотела, чтобы ее поскорее оставили в покое. – С чего ты взяла... что волки?

Неужели Травеня видел кто-то еще?

– Мы волка слышали, пока сюда ехали, – сказал брат Ярко.

– Ладно, пойдемте-ка в тепло! – Бабка Вербница обхватила сразу обеих девушек и подтолкнула к дверям. – Нечего тут стоять, и впрямь лиха какого дожидаться!

Когда их уложили на полатах рядом с сестрами Вороникой и Донницей, Веснояра еще долго не могла успокоиться. Зачем Травень бродил на ночь глядя возле веси Хотиловичей, чего ему тут надо? И почему он так уверен, что Леденичи за невестами не приедут? Может, знает что-то такое, чего не знает пока больше никто, даже сами Леденичи?

Строить догадки было бесполезно, однако Веснояра точно знала: ей бы очень хотелось, чтобы его предсказание исполнилось.

* * *

До возвращения «зимних волков» еще оставалось время, но своего ушедшего в лес брата Гостяя Веснояра и Младина увидели раньше, чем ожидали. Едва они успели вернуться от родни домой, как на следующий день брат вдруг постучал в дверь: тоже заросший бородой, которую неженатые парни, живя дома, всегда брили, покрытый волчьей шкурой, пропахший лесом, мокрой землей, оттаявшей прелью.

– Ой! – Открывшая дверь Младина охнула от неожиданности и отшатнулась, никак не ожидая увидеть это заросшее, дикое существо, в котором с трудом узнала родного брата. «Зимним волкам» не полагалось навещать родичей, и она сразу поняла, что это неспроста. – Это ты? Что случилось?

«Зимние волки» являлись к домашней родне, только если беда грозила последним. Со своими бедами они справлялись сами.

– Отец где? И дед? – вместо приветствия отозвался Гостяй. – Дома? Позови, пусть выйдут.

– У стрыя Вертяши отец, – ответила Младина, из-за спины которой уже выглядывали мать и Травушка.

– Я к деду пойду, позови отца к нему.

В дом никто из женщин Гостяя не приглашал: все равно не зайдет. Не принадлежа в зимнюю половину года к человеческому миру, «волки» никогда не ступали в жилье.

Схватив с крючка возле двери кожих – даже не свой, а Капелицы, – Младина кинулась наружу, к избе стрыя Вертяши. Избы городка были поставлены кругом, задней стороной к валу, дверями на небольшую внутреннюю площадь. Привлеченные необычным явлением, к избе старейшины собирались сперва дети, игравшие во дворе, а потом и женщины; Гостяй перешел к дедовой избе и там остался ждать, пока Лежень выйдет, а Младина позовет отца. В избе возмущенно вопила Капелица: Младина ушла в ее кожухе и ей не в чем выйти! Мать решительно советовала ей, во-первых, закрыть дверь и не студить избу, а во-вторых, надеть кожих Младины. Разве в доме не во что одеться?

А Младине было не до того. И вчера, и сегодня ее мучила непонятная тревога, предчувствие каких-то нехороших новостей, хотя она понятия не имела, откуда все взялось.

Или нет... Имела. Это началось в Ладин день, на Овсеновой горе, когда сежане справляли проводы Марены.

Ты моя ли государыня,
Государыня Маренушка!
Ты куда да снаряжаешься?
Ты куда да сподобляешься?
Ты не в гости да не к праздничку,
А к Кощею на круты горы,
Во безвестную да сторонушку,
Во неузнанную да окраинку... —

причитали бабки Лебедица и Домобожница – две главные жрицы старой Марены.

Чучело Марены-Зимы трещало старой соломой в погребальном костре. Сежане были возбуждены и взбудоражены, особенно женщины, защищавшие перед сожжением чучело Зимы, и девушки, осаждавшие ледяную крепость, чтобы завладеть им. И хотя бабы и даже старухи бились отчаянно, поражение никого не огорчило. Ведь теперь зиме конец, впереди весна – зеленая трава, чистое небо, яркое солнце, весенние игрища, хороводы, пляски, Ярилины дни, Купала, после которой число замужних женщин пополнится нынешними противницами уходящей зимы. Растрепанные, со сбившимися платками, из-под которых виднелись влажные пряди разлохмаченных волос, с остатками снега на кожихах, с румяными щеками – а иные и со зреющими синяками, они еще не отдышались и поглядывали вокруг с торжеством и гордостью.

Народу собралось много. Толпа напирала, сжимала кольцо вокруг Марениной крады все теснее. Младина тогда отличилась в битве за чучело и стояла теперь в первых рядах возле костра, так близко, что жар пламени почти доставал до нее. Кто-то толкнул Младину в спину, и она оглянулась, нахмурившись – в костер ее, что ли, запихнуть хотят?

Толпа еще нажала, словно волна прошла по людскому морю за спиной; уже слышались недовольные и испуганные крики. А Младину движение толпы выпихнуло вперед, так что она едва не ткнулась в спину Лебедицы, стоявшей почти вплотную к погребальному костру зимы. Девушка едва увернулась, чтобы не толкнуть бабу, которая водила перед огнем руками с длинными опущенными рукавами, и упала на колени.

От костра отлетел уголек и упал на подол Младиного кожуха; она торопливо смахнула его рукавицей и при этом невольно бросила взгляд на краду.

Огонь почти целиком охватил чучело Мары, только голова в темном погребальном платке еще виднелась среди пламени. Перед сожжением на лицо богини кладут покрывало, чтобы очи Владычицы Закрадьи не причинили вреда тем, кому еще не срок идти за ней. И сейчас это покрывало вдруг вспыхнуло; тонкая льняная ткань рассыпалась черным прахом, и в огненном обрамлении Младина увидела лицо богини с нарисованными углем черными очами.

То, чего видеть нельзя.

Отшатнувшись, Младина зажмурилась, будто пытаясь взять назад невзначай брошенный взгляд, метнулась в толпу. Нечеловеческим усилием втиснулась между чьими-то плечами, уцепилась за стрыя Радоту и пролезла ему за спину, не слушая возмущенных воплей вокруг. Оглядела вязаную рукавицу – нет, слава Макоши, не прожгла. Цел ли кожух?

Но подумала она об этом только по привычке. На самом деле сохранность праздничной сряды, в которую было вложено столько труда долгими зимними вечерами, сейчас занимала ее очень мало. Что-то с ней случилось; сердце билось, в душе кипело волнение, и в то же время казалось, что под ногами не земля, а зыбучие облака – можно оттолкнуться и полететь! Толпа сжимала ее со всех сторон, но Младина почти не ощущала давления – люди стали казаться ей какими-то неплотными, чуть ли не призрачными. Пожелай она – и сможет раздвинуть их одним движением, пройти сквозь них, как сквозь тени. Она стояла, прижав руки к груди, глядя перед собой, но почти ничего не видя.

Вокруг нее двигались горы мрака, веяли неведомые неземные ветра. Ей было тепло, она ощущала разом вялость и легкость, будто ей отказали все мышцы, но они больше и не нужны... Она знала, что стоит на вершине Овсеновой горы, среди людей родного сежанского племени, возле городка, где предки ее рода поселились лет двести назад, и в то же время ею прочно владело ощущение, что на самом деле она находится очень, очень далеко отсюда...

Что здесь пребывает лишь ничтожно малая часть ее существа и это не имеет никакого значения, потому что на самом деле она столь огромна, что вся эта Овсенева гора, Сежа с ее многочисленными поселками, да и вся земля племени кривичей – лишь пыль по сравнению с ее величием...

– Младинка, ты что застыла? – Кто-то потряс ее за плечо.

И странные ощущения схлынули. С усилием сосредоточившись, она обернулась и увидела девичье лицо – румяное от холода и движения, с нахмуренными светлыми бровями и криво повязанным платком, из-под которого виднелась нарядная тканка. Она точно знает эту девушку... очень хорошо знает, лучше некуда, но... Матушка Лада! Это же Веснояра, ее собственная родная старшая сестра. Опомившись, Младина удивилась, как могла ее не узнать, что за заминка с ней случилась?

– Догорело уже, в обчину бегом, мать зовет! – Сестра потянула ее за руку. – Сейчас старики пойдут, а у нас хлеб не разложен, пиво не налито.

Да... После похорон Мары – братчина, надо идти накрывать столы... Младина потерла лоб под платком и пошла за Весноярой, на ходу пытаясь понять, что же с ней такое было. Голова немного кружилась.

За облаками пробивалось солнце – настоящее весеннее солнце, дышащее золотым теплым светом. Впереди ждет весна – ее шестнадцатая весна, последняя, как надеялась Младина, которую она проводит в девицах. Грядущей осенью она наденет наконец поневу, а там, дай Макошь, выйдет замуж, получит свою «долю», выделенную богами для каждого.

Глубоко, всей грудью вдохнув пьянящий весенний воздух, Младина побежала догонять Веснояру. Ее словно нес и наполнял силой этот весенний ветер, полный запахом мокрой земли, который не портил даже привкус гари от сожженной соломы. Не успеешь оглянуться – сойдет снег, просохнет земля, над окрестными лесами повиснут дымные облака выжигаемых делянок, но и этот запах неотделим от радостей и надежд теплой поры. Море зимнего мрака позади, они уже здесь, светлые боги весны, и каждый из смертных, ощущая их в себе, обращается к делу роста, расцвета и продолжения рода. А значит, становится богом...

И с тех пор уже не раз, обычно утром или вечером, на грани сна и яви, на Младину накатывало то же странное ощущение: будто весь мир вокруг лишь зыбкий туман, серо-бурый и густой, зато она сама – огромная и сильная, как гора. Под ногами у нее бушевало пламя, но не жгло, а удивительным образом служило опорой, а еще ниже была черная бездна, но тоже не пугала. Опираясь на бездну, она смотрела вверх и видела там сияющий солнечный свет; в полусне ее наполняло ощущение радостного ожидания, нетерпеливого стремления вперед, к весне...

И лишь совсем проснувшись, она ощущала страх перед тем, что возникло в ней и искало выхода. Но поделиться с кем-то она даже не пыталась, не представляя, какими словами можно это описать. Мало ли чего приснится? Посмеются, скажут, замуж девке невтерпеж, да и все.

* * *

Понимая, что «зимний волк» в избу не зайдет, дед Лежень сам вышел на двор к собственному внуку. В нем ясно сказалась заломовская порода: густая седая борода, прежде рыже-вато-русская, такая же, какую сейчас носили четверо его сыновей, голубые глаза, прямые крупные черты лица. Как почти все Заломичи, он был рослым, крепким, на плечи накинута кожаная из черной овчины, которую, опять же по обычаю, носили здесь все. Заломичи шили зимнюю одежду из шкур черных овец: считалось, что в них теплее.

Благодаря тому, что беседа проходила во дворе перед избой старейшины, ее слышали сразу все, кто находился в это время дома.

– Леденичи Суровцеву делянку рубят! – сразу доложил едва отдышавшийся Гостяй. – Я сам видел!

– Не может быть! – изумился Лежень, и по толпе родичей пробежал ропот. – Ты чего-то напутал!

– Нет! – Гостяй мотнул головой. – Я и раньше видел, где Хотиловичи место пометили. А сейчас Леденичи там все вырубили, до самого оврага.

Лежень в удивлении повернулся к Путиму, который недавно навещал те края. Путим хмурился. Он своими глазами видел, как Хотилевичи прошлым летом выбрали новый участок под будущую жарынь и поместили его знаками на четырех березах. Перед уничтожением у леса следовало попросить прощения, угостить его и задобрить: приносили жертвы Лесному Хозяину, а четырем межевым березам по углам – особенно, прося не гневаться, защитить будущий урожай. Тронуть участок, уже помеченный чужими знаками, – все равно что украсть. Для старинного рода, пользующегося уважением и связанного родством с остальными, дело совершенно невозможное.

– Сам я видел, – добавил Гостяй. – Мы там ходили неподалеку, топоры услышали. Пошли посмотреть. А Травень говорит: беги к своим, Гостяйка, упреди.

– Хотилевичам сказали?

– К ним сам Травень пошел.

– Что же они не услышали? – спросила Муравица.

– Делянка далеко от жилья, – покачал головой Путим. – От веси не слышать. Но коли правда... что будем делать, отец?

– Старейшин созывать да разбирать дело. – Дед нахмурился. – Нет такого закона, чтобы чужую делянку рубить. Что же, Леденичи стыд и совесть потеряли – на чужой каравай рот разинули?

Веснояра слышала этот разговор, стоя в толпе женщин. Всплыли в памяти слова Травеня: «Но если Леденичи не станут к вам свататься, ты ведь пойдешь за меня?» Как быстра бывает мысль, когда речь идет о делах, важных для сердца; родичи еще не уразумели толком, как такое могло выйти, а Веснояра уже сообразила, чем новость может обернуться для нее.

Если Леденичи действительно вырубают делянку, помеченную Хотилевичами, то Заломичи, конечно, не спустят обиды, нанесенной их ближайшей родне. С Леденичами не миновать ссоры, а то и настоящего раздора – какое тогда сватовство? И все назначенные для них невесты останутся свободными для кого-то другого...

И ей вдруг так захотелось, чтобы Гостяева новость оказалась правдой, что она даже испугалась. Вот ведь дура! Радует, что у ближней родни беда, что собственный отец, дед и прочие близкие будут втянуты в долгую свару. И все ради того, чтобы ей удалось выйти не за Вышеньку Красинегова, а за Травеня...

Веснояра опустила глаза, испугавшись, что кто-нибудь угадает ее мысли.

В недоумении Заломичи оставались недолго: уже через два дня к ним явился Углян, младший сын покойного Хотилы, и подтвердил: все правда. Помеченную ими делянку вырубали Леденичи, да еще прихватили большой кусок леса, на который Хотилевичи пока не предъявляли прав, потому что у них не хватило бы рук его обработать.

Возле вырубki собрались чуть ли не оба рода целиком. В сведении леса принимают участие все, кроме совсем маленьких детей, даже глубокие старики, которые иной раз именно там находят свою смерть, не успев увернуться из-под падающего ствола. Мужчины рубят и разделяют деревья, женщины и подростки перетаскивают на места будущих кострищ кусты, ветки, обрубки полегче и тонкие стволы. Работа эта занимает не один день, поэтому и приезжают основательно, ставят шалаши, посылают мальчишек удить рыбу, бабки варят уху на кострах...

Появлению Суровца и его близких Леденичи во главе с Красинегом сильно удивились. По их словам, никаких межевых знаков на деревьях они не видели. Возмущенный такой бессовестной ложью Суровец повел их к известному месту, но среди множества сваленных стволов не нашел той березы, на которой в Перунов день лично вырубил свой родовой знак. Сколько ни ворошили мужики стволы и ветви, покрытые первыми нежными листочками, затеса не нашли. Пошли искать другие – с тем же успехом. Лишь на одном углу участка, возле оврага, Суровец обнаружил пень. В этом краю береза росла только единственная, дальше начинался сос-

няк, поэтому туда рубшики не пошли – пал из-под сосны дает урожай куда хуже, чем из-под березняка.

– Вот тут береза стояла, и знак на ней был, чурами клянусь! – восклицал Суровец. – Кривоватая малость, да в этом конце другой не сыскать.

Его братья и сыновья удрученно кивали, а Леденичи хмурились и разводили руками. И в этом конце поиски ствола ничего не дали, хотя братья Хотиловичи облазили весь овраг.

Осмотрели пень. Береза погибла не вчера и не третьего дня, а еще зимой, пока дерево спало. Поискав еще раз, нашли три пня такого же возраста. Но это, опять же, ничего не доказывало. Знаков нет, а стало быть, Леденичи имели право вырубить делянку как ничейную.

– Пень – он и есть пень, его не спросишь, а знак-то где? – восклицал Красинег, разводя руками, в одной из которых сжимал топор.

– Можно и пень спросить! – быстро вставил Углян, пока Суровец только возмущенно открыл рот. – Моя мать может спросить пень!

Все взгляды обратились на него, на лицах родичей засветилась надежда. Углян у явилась верная мысль: его мать, волхвита, могла разговаривать с деревьями.

– Поезжай-ка за ней! – кивнул Суровец. – Коли пришла такая нужда, и с пнем поговоришь!

Оба рода остались возле спорной вырубki, а Углян в челноке как мог быстро пустился к устью Сежи, где его мать жила в избушке в лесу, поодаль от старой веси Заломичей. По дороге Углян завернул и к ним, чтобы ввести ближайшую родню в суть дела. Забрав Углянку, он снова завернул к Заломичам: мать велела взять займы курицу. Вместе с ними снова поехали Путим и его племянник Ярko. Женщины остались в тревоге дожидаться новостей.

Споры из-за лесных делянок время от времени случались. Под пал годится не всякий лес: сосновый бор пригоден мало, ведь хвоя, сыплющаяся на песчаную почву, почти ее не удобряет, и урожай с такого пала будет низким, едва оправдает обилие тяжелой и грязной работы. Зато еловые боры, где встречаются березы и осины, либо березняк ценятся выше: там и почва лучше, и перегноя больше, и в удачный год можно собрать зерна в сорок, семьдесят, а то и девяносто раз больше, чем посеяно! Такой пал обеспечивает род хлебом на несколько лет, что и хорошо, ибо на следующий год урожай с того же участка сильно падает, дает лишь в двадцать-тридцать раз больше посеянного, а потом земля и вовсе истощается. Вспоминались рассказы о многолетней межродовой вражде, возникшей из-за дележа участка. Бывало, не только люди гибли, но и целые роды исчезали с белого света. Столкнись тут чужие, дело быстро дошло бы до побоища, но Заломичи и Леденичи жили по соседству поколениями, хорошо знали друг друга и в наступившем году собирались обмениваться невестами.

Три дня соперники ждали волхвиту возле спорной делянки. Все ходили злые, настороженные, враждебно поглядывая друг на друга. Уходило дорогое время: надо обрабатывать и старые участки. Приближалось время, когда прошлогodние палы пора распахать и засеять, и в случае затяжки дела оба рода могли остаться вовсе без хлеба.

Наконец Углян привез свою мать-волхвиту. Это была высокая, худая, сухопарая женщина, однако из-под морщин еще проглядывали остатки давней красоты, и по-прежнему на увядшем бледном лице выделялись угольно-черные брови. Отстраненного вида, будто ничто на белом свете ее уже не волновало, держалась она просто, говорила мало.

Суровец проводил ее к пню, оставшемуся от березы, на котором сделал когда-то затес со своим родовым знаком. Углянka походила вокруг, потом знаком велела подать курицу и взялась за нож на поясе. Положив хлопающую крыльями птицу на пень, Углянka ловко отрезала ей голову, обрызгала кровью землю вокруг, закрыла глаза и принялась бормотать. Народ к тому времени уже отодвинулся подальше, так, чтобы только видеть происходящее: никому не хотелось оказаться рядом, когда на запах свежей крови слетятся призываемые духи.

Не открывая глаз, Углянка разговаривала с кем-то, умолкала, слушая ответы, слегка кланялась, словно упрашивая, хмурилась, спорила, убеждала... Потом сделала знак, отсылающий неведомых собеседников и затворяющий за ними дверь Нави. Потом подняла веки, но так и осталась сидеть на поваленном бревне, опираясь подбородком о сложенные ладони и в задумчивости глядя куда-то в полупрозрачную зелень весеннего леса.

– Ну, что там? – Суровец первым решился приблизиться.

За ним шел Красинег, отставая на пару шагов, все с тем же топором в руке.

– Пришли ко мне духи берез, но говорить не захотели. – Не глядя на мужчин, Углянка качнула головой. – Сказали... они мертвы, а у меня нет власти с мертвых ответа спрашивать.

– У кого же есть? – воскликнул Красинег.

– Спросила я об этом, и сказали мне духи берез: есть здесь человек посильнее меня, и ему дана власть с мертвыми говорить. Только перед ним и позволено им ответ держать.

– Посильнее? – Оба старейшины в недоумении переглянулись. – Это кто же?

Жертвы за свои роды и волости приносили они сами, а иных волхвов, кроме Угляны, тут не водилось со времен давно сгинувшего Паморока.

– Недавно этот человек появился.

– Недавно? Кто таков?

– Я не знаю. Не открыли мне имени его духи берез. Обещали только, что сам скажется, как время придет.

– Но мы столько ждать не можем! – бросил Суровец, раздосадованный тем, что средство, на которое так надеялись, почти ничего не дало. – Нам без этого хлеба жить нечем будет, детей кормить.

– Моим тоже хлеб нужен, – хмурясь, отозвался Красинег. – Коли так, давай старейшин собирать, послушаем, что люди скажут.

– И без того на днях соберутся, Ярила Молодой уже на пороге.

– Вот пусть и рассудят нас с тобой. От пней толку мало, может, поумнее кто найдется.

* * *

Новости скоро стали известны жителям всей округе. Наступал Ярила Молодой, весенний праздник, после которого зима окончательно уступает место лету. Старики и молодежь съезжались к Овсеновой горе, и в избах Заломичей полным-полно набилось гостей, главным образом дальних родичей. Теперь все в увлечении обсуждали дело, вспоминали схожие случаи, перечисляли роды, сгинувшие после подобных распрей. Даже песни пели о том, как спорную жарынь засеивали не рожью и просом, а костями человеческими, не дождем поливали, а горячей кровью, не жито изобильное возшло на ней, а горе-злосчастье, и не с девами красными добры молодцы свадьбы справили, а с Мареной, Черной Невестой. Бабки и тетки уже принялись понемногу причитать над девушками: куда их девать, кому отдавать, если рассорятся сейчас Хотиловичи с Леденичами? Весь порядок обмена невестами на Сеже будет нарушен.

– Наши девки без женихов не останутся! – уверяла Муравица, бойкая и решительная баба. – Наши девки дороги, только свистнем, и женихов налетит, что мурашей.

Но на самом деле все было не так уж и хорошо. Под угрозой оказался не только урожай и хлеб на ближайшие годы, но нечто гораздо более важное: слава обоих родов. Мужчины собирались в обcinaх святилища обсудить дело и сходились на том, что разобрать его будет не просто.

– Межевой знак! – говорил Красинег, приехавший сюда в числе первых. – Может, и был знак, да кто его видел? Когда мы пришли, никаких знаков не было, а пень он и есть пень, мало ли, кто за чем срубил! А раз не было знака – стало быть, свободная делянка, бери кто хочешь. Я первый взял, стало быть, моя земля теперь!

– Что же ты, говоришь, и не было знаков, а Хотилевичи после придумали? – прищурился Боян, старейшина Бебряков.

– Как Хотилевичи, не знаю, а... могли и придумать, – хмуро отозвался Красинег. – Но я себя позорить не позволю, будто я чужие березы межевые сам срубил! Никогда про Леденичей не шло разговору, чтобы мы на чужое позарились!

Добрая слава – не менее важное достояние рода, чем удобные делянки. С запятнанными бесчестьем никто не захочет родниться, девок не возьмут замуж, как бы красивы и рукодельны они ни были, парням никто не даст жен, нового поколения не будет, и род вымрет, не оставив по себе следа. Либо ему придется бросать расчищенные уголья, насиженные места и дедовы могилы, уходить очень далеко, в края неизвестные, а как там будет – неизвестно. Ни Леденичи, ни Хотилевичи не желали себе такой судьбы. Слушая разговоры об этом, Младина холодела от ужаса, но не верила, что это может коснуться ее семьи. Сестры болтали целыми днями, то зывали к Ладе и просили чуров о защите, то принимались плакать и причитать по загубленной судьбе, орошая обильными слезами заготовленное приданое. Чтобы не слышать этого, Младина часто уходила в ближнюю рощу, садилась там на поваленное бревно и подолгу вслушивалась в шум ветра. Встав под березой, она смотрела вверх, прижавшись спиной и затылком к стволу, и взнесенные ввысь полуодетые березовые ветви казались дверями, за которыми ждет ее голубая небесная страна.

А потом она закрывала глаза и сливалась с березой: тело ее вращалось в белый ствол, руки становились ветвями, волосы – свежей зеленой листвой, вместо крови по жилам струился березовый сок, который после голодной зимы лечит от всех весенних хворей, а ноги уходили в неизведанные глубины земли и оттуда питались невероятной силой. Само существо ее вдруг начинало течь в разных направлениях: и вверх, и вниз, границы тела исчезали, растворялись, дух свободно растекался по Всемирию... Внизу лежала тьма, но она не пугала, казалась чем-то родным, теплым, а главное, могучим, питающим; наверху сиял свет, и ее неудержимо тянуло к нему. Там пылал жар, небесный огонь, к которому ее томительно влекло; опираясь на нижнюю тьму, она стремилась к небесному свету, тянулась, напрягая все свои новые силы, росла снизу вверх, будто мировое дерево... Но что-то не пускало ее, чего-то не хватало, и это наполняло досадой. Однако даже к этой досаде примешивался некий задор, ожидание, надежда: пусть не сегодня, пусть чуть позже, но она дотянется, достанет, и тогда...

Что тогда будет, Младина не знала, но, в конце концов открыв глаза, сама себя не узнавала и не понимала. Очнувшись, она в изнеможении падала на прохладную весеннюю землю, едва прикрытую первой травой. Эти полеты утомляли и одновременно наполняли мощью; можно сказать, что ей не хватало сил, чтобы вместить и вынести свои новые силы. Ее одевало то жаром, то ознобом, давила усталость и притом возбуждение, и она уже другими, обычными человеческими глазами смотрела в небо, пытаясь понять, что же так тянет ее туда. Казалось, там, за облаками, ждет ее кто-то, с кем она очень хочет свидеться, невыносимо хочет. И он придет. Все существо ее томилось ожиданием встречи, но она понятия не имела, кто же это должен быть.

И собственное тело казалось ей чужим, слишком маленьким, слишком тесным. Ее считали красивой, хотя на родную сестру Веснояру Младина совершенно не походила: невысокая, даже ниже среднего женского роста, с чертами скорее милыми, чем правильными. Мягкий и немного вздернутый нос, алые губы, голубые глаза, темные брови притягивали взгляд, делали лицо ярким и привлекательным. Русые волосы, густые, падающие красивыми волнами, точно у русалки, румянец, гибкость и ловкость, ощущение здоровья и изобилия жизненных сил, которыми дышал весь ее облик, и правда делали ее весьма завидной невестой, а налитая пышная грудь и довольно широкие бедра обещали плодотворную мать. Девушка смелая и бойкая, Младина мало в чем отставала от Веснояры. У нее была привычка смотреть исподлобья, отчего

у нее делался мрачный вид, но стоило ей улыбнуться, как ощущение мрачности сменялось задором и весельем.

О празднике Ярилы Молодого Младина думала с надеждой. Кроме прочего, в этот день Велес замыкает пасть лесным волкам, запрещая им трогать людей и скот, а «зимние волки» возвращаются к своим родам. Младине нравился Вышезар, сын Красинега, самый видный из леденических парней, да и среди его братьев было на кого посмотреть. Может быть, когда она увидит их, у ее томления появится ясная причина и цель?

– И как ты, Младинка, не боишься одна в лес ходить? – как-то по возвращении сказала ей бабка Лебедица. – Вон чего люди рассказывают, и дома сидя страху натерпишься!

– Это про оборотня, да? – подхватила Домашка.

– Какого оборотня?

– А ты и не слышала! – Сестра округлила глаза. – По всей волости уже разговор идет. Оборотень у нас объявился по весне ужасный!

– Никто не появился! – возразила Муравица. – Не болтайте зря, беду накличете.

– Но Угляна же сказала...

– Угляна сказала, что колдун объявился новый! – вставила Кукушка, третья сноха, жена Путимова брата Еловца. – Такой сильный волхвит, что все духи живые и мертвые ему повинуются! Береза срубленная с Углянкой не захотела говорить, а пообещала ему одному все дело раскрыть!

– Откуда же он взялся? – изумилась Младина.

– Пришел из лесов дремучих!

– Зачем?

– А кто же его знает? Сотворит, люди говорят, великие чудеса, только неведомо, на добро они нам будут или на худо.

– Оборотень это! – твердила бабка Лебедица. – А вы не знаете, так и не говорите! Откуда тут взяться волхвиту чужому?

– А оборотню откуда взяться?

– А вот есть откуда! Князь Волков, над всеми волками старший, зимой по лесу белым волком бегает, а на лето из лесов выходит человеком. Это он и есть! В наших краях он объявился, тут будет лето летовать.

– Это не Князь Волков! – заслышав бабий разговор, рядом остановился дядька Бродила. – Это Одинец, самый старший над всеми «зимними волками», что и летом в лесу живет. Он людей в волков одним взглядом обращать может!

– Ну вот. А я про что говорю! Не ходите, девки, в лес, а то повстречаете его, в волчиц превратитесь, будете потом волчат рожать всю жизнь!

– Да откуда это все взялось? – недоумевала Младина, уstraшенная и запутанная этими противоречивыми слухами.

– Так Углянка же сказала! И сорок человек слышали, что Хотилевичи наши, что Леденичи, любой подтвердит!

Оборотень, белый Князь Волков, волхвит какой-то неведомый, Одинец... Как ни пугающе это все звучало, Младина почему-то не верила, что эти ужасы ей угрожают и что неведомое чудовище может поджидать в хорошо знакомой роще.

И там, в день первой весенней грозы, ее поджидала совсем иная встреча. Стоя возле березы и погружаясь мысленно в неоглядную тьму под тонкой коркой земли, Младина вдруг подняла веки – словно некое другое существо проснулось в ней и пожелало выглянуть в белый свет. Березовая роща перед ее глазами подернулась сероватой дымкой, более тонкой и прозрачной, но при этом более осязаемой, чем обычный древесный дым. Каждый предмет – деревья, пни, поваленные стволы, кусты, муравьиные кучи, ветки, коряги – стал прозрачным, в нем обнаружилась внутренняя суть, его дух. Но часть предметов была закрыта для Младины,

а часть мерцала призрачным голубоватым светом, и эти вещи она видела насквозь. Она еще не поняла, что видит именно мертвые вещи – поваленные стволы, пни от срубленных деревьев, сухие сучья, – но осознала, что может говорить с этим мерцающим голубоватым огнем внутри них. Мертвый дух срубленной березы... говорить... разве это трудно? Это очень легко... Она бросила мысленный взгляд через рощу и ухватила мерцающий огонек где-то вдали; даже не успела задуматься о том, что нужные ей березы росли за целый день пути отсюда и увидеть их, да еще через лес, никак невозможно. Мысленно она потянулась к ним, уже почти коснулась...

И вдруг мощный удар потряс все ее существо, так что Младина разом очнулась и пришла в себя. Хорошо, что успела уцепиться обеими руками за ствол березы, иначе могла бы не устоять на ногах. Серая дымка исчезла, деревья приняли обычный вид, но перед глазами все плыло, мерцали белые и голубые огоньки, будто звезды, прячущиеся в листве и дразнящие. Снова привыкая к маленькому и тесному телу, она подняла голову. Сильные порывы ветра раскачивали верхушки берез, по небу быстро тянулись темно-серые облака, и за ними ощущалось какое-то мощное движение. Да, с утра погода портилась, говорили, что будет дождь.

Не просто дождь – гроза! Буря, первая буря этой весны! Младина вдруг поняла это так ясно, словно у нее на глазах Перун седлал своего вороного коня-тучу. В груди вспыхнуло ликование, будто она дождалась того, к чему стремилась все это время. Крепче держась за березу, словно порывы ветра могли унести ее, она вглядывалась в небо и ждала.

И порывы ветра, точно отвечая ее нетерпению, стремительно усилились. Шум оглушал, гибкие стволы берез гнулись чуть ли не до земли, хлестали ветвями траву и друг друга, как в драке. Хорошо, что береза, под которой притаилась Младина, была довольно толстой и прикрывала ее. Платок свалился с головы на шею, ветер трепал и рвал косу Младины, как ветви вокруг, однако посреди этого сражения стихий ее наполнял не страх, а, наоборот, задор и ликование. Что-то огромное, мощное, источающее жар приближалось исполинскими шагами. Колесились облака, прогибаясь под тяжелой поступью...

– Где же ты?! – вдруг вырвалось у Младины.

Это подало голос то, что давно зрело в ней, и у слабой человеческой оболочки больше не было сил удержать это нечто внутри.

– Я жду тебя! – кричала она, глядя вверх сквозь пляшущие ветви. – Я давно жду тебя, появишься же наконец! Приди, Перун! Приди!

Она сама оглохла от своего отчаянного вопля, так ладно вливавшегося в шум ветра и ветвей, будто все они тысячей голосов подхватывают и усиливают ее призыв.

И вот призываемый откликнулся: в гуще темных туч сверкнула золотая молния, словно скользнул между ними Огненный Змей. Потряс небеса громовой удар. И Младина увидела лицо: сияющее, как солнце, одетое живым пламенем волос и бороды, оно заполонило чуть ли не полнеба и смотрело на нее сверху...

Грохнуло еще раз, опять небесное пламя опалило и согрело Младину, и впервые она ощутила облегчение, будто с души и тела упал тяжкий груз. Чьей души? Чьего тела? Кем она была сейчас?

Хлынул дождь, холодные капли застучали по кронам берез, быстро просочились сквозь не густую еще весеннюю листву, полились на лицо и руки Младины, остужая горячую кожу. Прижавшись к березе, она застыла с закрытыми глазами, стараясь перевести дух. Внутри ее словно передвигались горы; там бродили какие-то огромные силы, стараясь уместиться и устроиться, приспособиться к своему новому обиталищу и приспособить его к себе. Сама себе она казалась то маленькой, слабой, хрупкой, как крылатое семечко березы, а то огромной и могучей, как сама земля. Под ногами зияла черная бездна, и она стояла по колено в этой бездне, но одновременно ее крошечные ноги в старых черевьях покоились на тонюсенькой корочке почвы, покрытой прошлогодней и новой травой попеременно. Толстая береза, на кото-

рую Младина опиралась, казалась жалкой былинкой, и удивительно, как она не ломалась под этой огромной тяжестью. Все кружилось, все плыло.

Прямо перед ней лежал ствол сломанной березы с еще свежими мокрыми листьями; ее сломало во время бури, но Младина не слышала треска и шума, не заметила падения дерева, которое рухнуло в нескольких шагах от нее.

И рядом со стволом кто-то стоял. Младина вздрогнула поначалу от неожиданности, потом в голове будто что-то передвинулось, и все стало ясно. Перед ней, грустный и поникший, стоял дух сломанной березы.

– Погубил меня Перун-батюшка, затоптал, по первости погулять выйдя, – долетел до сознания жалобный и горестный вздох. – Не красоваться мне больше листвою зеленой, не плясать в кругу сестер моих, не украшаться венками. Стоптал Конь-Огонь мое тело белое, рухнули мои косынькие зеленые на траву-мураву, прилегли к матери сырой земле. Прими меня, матушка, в руки твои, во власть твою отдаюсь отныне...

– Приди, – равнодушно сказал кто-то внутри Младины, и она, повинувшись чужой воле, протянула руку.

Светлое облачко подалось к ней, втянулось в пальцы, скользнуло по жилам в ноги, а из них – в землю и в ту темную глубину, не встречая ни малейших препятствий. Младина откуда-то знала, что нужно делать, хотя делать ей, собственно, ничего не пришлось. Все свершилось как-то само собой. Лишь легкая прохлада пробежала по жилам, и вот уж Младина со страхом смотрит на упавший ствол: ведь ее могло придавить насмерть или покалечить, пока она стояла тут и грезилась.

– Что со мной такое? – вслух спросила она. С трудом оторвалась от березы, будто срослась с ней за это время, и села на свежий ствол возле самого слома, где не было ветвей. – С ума я схожу, что ли? Что я тут делаю?

Она огляделась, надеясь, что кто-то даст ей ответ. Березы, земля, трава, кусты, бурелом – все как было всегда, она с трудом вспоминала, что видела это все как-то иначе, даже говорила с кем-то... или пыталась говорить... или нечто говорило с ней. Не удавалось вытащить из памяти, как ее зовут и из какого она рода. Но те ощущения черной бездны и огромной силы тоже помнились очень смутно, как нечто чужое и отдаленное.

– Младинка! – раздалось вдруг среди деревьев, и она вскинула голову.

Накатило облегчение. Младина – вот как ее зовут. А этот рослый человек с золотистой бородой, в «серяке», как называют свиту из серого сукна, – ее родной отец, Путим Леженевич из рода Заломичей.

– Мать послала искать тебя, – говорил он, приближаясь к девушке. – Ты чего сидишь-то? Промокла вся! – Путим с облегчением обнял дочь. – Чего домой не идешь?

– Я... грозы забоялась.

С трудом Младина нашла хоть какой-то ответ, но ей стало легче, когда она ощутила рядом хорошо знакомого человека и почувствовала его тепло. Вернулись обычные ощущения человеческого тела, она осознала, что устала и сильно озябла в мокрой одежде: даже суконную свиту дождем пробило насквозь, хотя обычно она не скоро промокает.

– Как буря разыгралась, мне страшно через рощу идти стало, я тут, у березки, приладилась, думаю, авось ее не сломит и меня убережет.

– А мать хватилась: все дома, а тебя нет, Ярко видел, как ты к роще пошла, ну, она и всполошилась, как бы тебя деревом не придавило. Аж во дворе слышно было, какой тут треск стоял.

– Да, повалило... вон. – Младина показала на свежесломанную березу.

– А еще бабы болтают про оборотня какого-то.

– Нет тут никакого оборотня! – вырвалось у Младины.

Почему-то она не сомневалась, что почувяла бы такое диво даже издали.

– И я думаю, что нет, но бабам разве втолкуешь? – кивнул отец. – Им бы только языками трепать, страху на себя нагонять, будто других забот не хватает. Еще непонятно, что с жарынью той будет, а им подавай оборотня!

Они пошли домой, однако Младина чувствовала себя странно: родное тело сидело на ней неловко, словно чужая одежда. Даже собственное имя, о котором ей напомнил отец, казалось странным.

– Батя, а почему меня так называли? – вдруг спросила она уже возле опушки. – Я не слышала никогда, разве у нас кого-то из бабок звали Младиной?

– Н-нет, никого. – Путим ответил с запинкой, нахмурился, словно сам удивился.

– Значит, я в роду первая Младина?

– Выходит, так...

– Кто же меня так назвал?

– Углянка, – усмехнулся Путим. – Она сказала, что имя тебе будет Младина. Ну, мы и согласились. Хорошее имя. Тогда как раз молодильник-трава цвела повсюду... Как сейчас вот.

Он кивнул на белые цветы, в ряд, будто ожерелье на нитке, висящие на тоненьком выгнутом стебельке. На полянах их в эту пору росло множество – точно градом посыпало. В воздухе носился чарующий запах, сладкий и свежий.

– Но почему... – начала Младина и запнулась.

Она хотела спросить, почему это имя ей выбирала волхвита, а не Путим, Лежень или бабка Лебедица. Углянка тоже им родня, но не настолько близкая...

– Да очень просто! По весне у матери дети родились, что ни весна, то родины. Старшая вслед за велик-днем Ярилы Молодого явилась – вот и Веснояра. Третья в капельник, потому Капельница, четвертая, когда трава первая полезла, вот и Травушка. А ты в пору, когда молодильник цвел, потому и Младина. Вот и вся мудрость!

Путим потрепал дочь по плечу, смеясь над ее хмурым лицом, и Младина попыталась улыбнуться. В самом деле, все очень просто.

И все-таки даже отцу она не могла рассказать, что с ней творится, попросить совета. Она доверяла ему, почитала и любила, верила, что отец убережет ее от любых бед, но при мысли о том, чтобы с ним поговорить о минувшем, в голове становилось пусто, забывались разом все слова. Как об этом говорить? Нет таких слов!

И чем ближе они подходили к дому, тем яснее ей становилось: об этом лучше молчать. Пойдет слух, что ей духи являются – замуж никто не возьмет, все сторониться будут, как Угляны. Останется в лес идти...

* * *

На следующий день, еще до зари, над лесом разнесся волчий вой. В дальней глуши по кругу стояли четыре избы, а между ними оставалась довольно широкая поляна, посередине которой на толстом колу возвышался волчий череп. Возле него стояла рогатина на толстом древке.

Перед идолом ждало некое существо – на двух ногах, как человек, но покрытое волчьей шкурой, с личиной из высушенной звериной морды, закрывающей лицо. Разбуженные им – на самом деле большинство, едва сдерживая нетерпение, не спали почти всю эту весеннюю ночь – «зимние волки» вскакивали с полатей и подстилок, торопились наружу. Парни от тринадцати до восемнадцати лет, прожившие здесь всю долгую зиму от Ярилы Осеннего, сегодня возвращались в человеческий мир – кто-то на полгода, до новой зимы, а кто-то навсегда. Те, кто повзрослел и заслужил право жениться, в лес больше не пойдут. Иные, кто постарше и поудачливее, тоже носили шкуры собственноручно добытого волка, кто-то накинул на плечи пестрый, пятнистый рысий мех, иные были покрыты частями разделенной шкуры совместно зава-

ленного медведя. Младшие, еще недостаточно умелые и сильные для единоборства со зверем, были одеты в серые свиты, в обычные овчинные кожухи, лишь вывернутые шерстью наружу, но лица их тоже прикрывали личины из кожи и бересты.

– Прошла зима, удалилась Марена-матушка, настала пора Яриле Молодому в белый свет возвращаться, весну отмыкать, а волкам пасть замыкать! – объявил волк, когда все собрались вокруг идола. По голосу, глухо звучащему из-под личины, по движениям было видно, что он не молод и годится в отцы «молодым волкам», с которыми прощался сегодня на полгода. – Замыкаю я пасти волкам лесным, чтобы не трогали они ни коровы, ни быка, ни телка, ни овцы, ни барана, ни козы, ни свиньи, ни доброго человека!

Он обвязал веревкой челюсть волчьего черепа на колу, завязал хитрый узел.

– А вы, волки лесные, сыны мои серые, отправляйтесь к Волчьей Матери, пусть она вам покажет дорогу в белый свет! – велел он, разогнувшись.

– Отпускаешь ли? – спросил один из «молодых волков», в такой же волчьей шкуре.

– Ступайте своей дорогой!

– Спасибо, отец Одинец! – парень поклонился. – Целую зиму ты нас кормил, поил, уму-разуму учил. Теперь прощай до новой зимы, до первого снега!

– Велес в добрый путь!

Все разом поклонились Одицу и кинулись по избам, чтобы почти сразу показаться вновь наружу, уже с заплечными мешками и коробами. Двое волокли привязанную к жерди тушу косули – добыли вчера и хранили в холодке, обернутую в стебли первой молодой крапивы.

– Добрый путь!

– И тебе подобию оставаться, батюшка!

Еще раз поклонившись на прощание, волки вслед за своим молодым вожакom потянулись по тропинке прочь от заимки. Старый вожак молча смотрел им вслед, опираясь на рогатину. Под волчьей личиной не видно было его глаз, только седоватая борода слегка виднелась снизу. На руке, державшей рогатину, не хватало двух пальцев, а двигался он, заметно припадая на правую ногу. Вот уже много лет – не считал сколько – он провожал по весне парней и подростков, иные из которых были сыновьями его собственных прежних товарищей и ровесников. Иногда их уходило меньше, чем пришло – и в этот раз тоже. Но ему самому не суждено последовать за уходящими – он навек покинул мир людей. Эти, молодые, сегодня вспомнят свои человеческие имена, и лишь ему никогда больше не суждено услышать имя, которым кликали его по ту сторону леса. Да и что вспоминать имя покойника – того человека больше нет.

* * *

Ближе к полудню волхвита Угляна разобрала вдали за деревьями первые отзвуки волчьего воя. Она вышла и встала, прислушиваясь, перед дверью избушки – старой, покосившейся, с заросшей кустами дерновой крышей. Двадцать лет назад здесь жил ведун Паморок, перед ним – его наставник Хитрован, перед ним, как говорили, голядская ведунья, которую звали Рагана – в те времена в округе обитало немало голядских родов. От голяди остался обложенный камнем очаг посреди пола, хотя еще Хитрован сложил в углу обычную для славян печку. Но очаг не тронул: под ним сидели духи, те самые незримые помощники и слуги, которых жившие здесь ведуны по наследству передавали друг другу, да и сами прежние хозяева ведовской избы. По старому-престарому, всеми прочими давно забытому обычаю прах умерших ведунов, собранный с крады, погребали в их прежнем доме, под очагом. Там, под черной землей, перемешанной с золой, зарыты в широкогорлых горшочках обгоревшие кости Хитрована, Раганы и ее предшественников, которых Угляна подкармливала в дни поминания мертвых. Через несколько лет очаг станет могилой и для нее.

Вот только Паморока там нет. Угляна знала почему.

Минувшей ночью она не спала. Начиналась вешняя Дедова седмица, когда в земле просыпаются мертвые и их полагается угощать. Накануне Угляна, как и каждая хозяйка у себя в избе, ставила поминальные кушанья на камни очага, призывая их – Рагану, Хитрована и прочих, чьи имена узнала от самих духов. Они не причиняли ей вреда и не сердились, что возле их старого очага теперь хозяйничает дочь племени криевсов – ведь кто-то должен их кормить. Часть от каждого блюда – каши, блинов, яичницы – Угляна отнесла к реке и там опустила в воду, шепча напутствие и пожелание. Ах, как не хотелось ей этого делать! Каждую весну, вот уже лет двадцать или около того, она через силу заставляла сама себя выполнить обряд. Но иначе нельзя: не принесешь блинов и каши – мертвый сам найдет себе пищи...

Но когда спустилась тьма, Угляна не легла спать, а продолжала сидеть у очага, поддерживая небольшой огонек. Перед дверью и возле оконца темнел целый ворох трав: прошлогодние сухие стебли полыни, свежие молодые побеги крапивы, чертополох, иначе дедовник. Угляна ждала: она знала, что должно произойти. И все же вздрогнула, пронизанная холодом в жилах, когда на дверь снаружи обрушился первый тяжелый удар.

– Уг... Угляна! – позвал оттуда низкий, глухой голос.

Он звучал полуразборчиво, будто рот говорившего набит землей. Сам этот голос ложился на плечи, словно груды сырой земли, и Угляна невольно пригнулась, хотя знала заранее, что так будет.

– Отвори...

Стиснув сложенные на коленях руки, хозяйка молчала.

– Отвори, Угляна! – позвал снова голос снаружи. – Я знаю, здесь ты. Где тебе еще быть? Впусти меня. Я ведь муж твой. Это мой дом. Я вернулся. Отвори!

Угляну все сильнее била дрожь. Она до боли сжимала пальцы, потом обхватила себя за плечи, как от холода, нагнулась к коленям. Изо всех сил она пыталась усидеть на месте. И ясно ощущала, как чужая внешняя сила проникает в нее, пытается овладеть телом и сознанием, заставить встать... пойти к двери... убрать чертополох, полынь и прочие травы... А засов на двери ночной гость и сам выломает. Ибо не засов, а именно травы, невыносимые для мертвых, служили ему преградой, да еще заговор, который она читала над каждым стебельком.

Другая женщина давно впустила бы его... еще лет пятнадцать назад впустила бы, когда Угляна только поселилась в этой избе, изгнанная родичами умершего Хотилы. Она не обиделась: они поступили правильно. Уже тогда, когда присутствие мужа перестало ее защищать, мертвец потянулся к ней, и не вышло бы ничего хорошего, если бы он приходил искать ее в весь, где и без нее полно людей. Но Та Сторона, на которой Угляна когда-то прожила пять лет, наделила ее силами, которые сейчас помогали ей выстоять.

Не отрывая глаз от огня, она шептала заговор, а когда становилось совсем невмочь, подносила оцепеневшую руку к огню, и боль отрезвляла ее, разрывала оковы ледяных чар.

– Впусти меня, ладушка моя ненаглядная! – умолял голос из темноты. – Холоден дом мой ныне, не живется мне там! Ведь здесь мы вместе с тобой жили, у этого огня грелись, за этим столом сидели, и все у нас было ладно! Я ли тебя не берег, не ласкал! Забыла меня, лебедушка моя белая! Почему отвернулась, горlinkа моя сизая? Разве весело тебе одной – люди тебя сторонятся, родной сын забросил! Впусти меня, снова будем вдвоем жить, все у нас хорошо пойдет!

Угляна молчала, вцепившись в край лавки побелевшими пальцами. От звуков этого голоса на нее всегда сначала накатывала тоска, потом давящая усталость, потом начинало мутить, и что-то будто душило ее изнутри, так что все тело, каждую жилочку и косточку наполняла томительная тяжесть. Будто не хватает воздуха, словно тесно в собственном теле, как в крепких путах, отчего хотелось рваться, биться и кричать, бежать отсюда прочь, лишь бы это поскорее кончилось. Такое же чувство она испытывала возле Паморока и раньше, пока он еще

был жив. Но теперь, когда он уже около двадцати лет ходил в мертвецах, это стало нестерпимым.

– Отвори! – Голос окреп и налился угрозой. – Все равно войду! Засов выломаю, избу по бревнышку размечу! – И что-то тяжелое ударилось в дверь, которая вдруг стала казаться очень тонкой и непрочной. – Доберусь до тебя! Найду, шею сверну, кровь выпью, косточки сгрызу! Ты моя! Моя!

Звериный рев сотрясал избушку от нижних венцов до крыши, и в нем слышался ненасытимый, дикий голод самой бездны. Бездна навалилась на Угляну, в глазах потемнело, в ушах поднялся шум, и она упала на пол лицом вниз, безотчетно прикрывая голову.

А когда очнулась, огонь в очаге давно погас, изба остыла, близилось утро. Но она была жива, хоть и изнурена ночной битвой. Ночной гость не сумел войти. Опять не сумел. И каждый раз ей казалось, что этот раз – последний, что на будущую весну или осень он непременно ворвется и погубит ее окончательно. И еще через год они уже вместе придут к порогу живых и будут рваться, требуя, чтобы ихпустили...

Перебравшись на скамью, Угляна завернулась в несколько шкур – ее била дрожь – и забылась болезненным сном.

Но вот она проснулась, и теперь все прошедшее казалось дурным сном. Снаружи, над лесом, ярко светило весеннее солнце, воздух дышал первым теплом, мир был свеж, молод и будто вовсе не помнил о смерти. Она вышла и с наслаждением вдохнула весеннее тепло, запах свежей листвы; в груди что-то ожило и расправилось. Гнетущая тяжесть на сердце растаяла.

За деревьями уже пели десятки волчьих голосов. Вой нарастал, отражаясь от деревьев, вплетался в шум ельника. Вот за бурым стволом мелькнуло что-то серое, живое, и перед Угляной предстал вожак «зимних волков» – покрытый волчьей шкурой с высушенной мордой, закрывающей лицо. За ним появилось еще несколько таких же, потом еще, и вот уже поляна оказалась полна людей-волков и подростков с берестяными личинами.

– Здравствуй, Волчья Мать! – Пришедший первым поклонился Угляне. – Явились к тебе волки лесные, сыночки твои серые, да не с пустыми руками, а с подарочками! – Он махнул рукой, и побратимы поднесли и положили возле избы привязанную к жерди тушу косули, пару связок беличьих и лисьих шкур, резные, из лосиного рога гребешки и ложки. – Прими наши подарки и позволь нам шкуры сбросить, в белый свет вернуться!

– И вам здоровья подай Велес и Ярила, сынки мои лесные! – Угляна тоже поклонилась, украдкой потирая красные пятна ожогов на руках. – Закрыты ли пасти ваши, не будет ли от вас вреда добрым людям?

– Затворил нам пасти отец Одинец, не велел чинить зла добрым людям!

– Все ли вернулись?

– Не все, мать! – Вожак вздохнул и свесил голову. – Одного лихорадка зимняя загрызла, один медведю под лапу попался. Двоих братьев взял у нас Лес Праведный.

– Погребли ли вы их по обычаю, угостили ли душеньки, как положено?

Так бывало почти каждую зиму: лес забирал часть приходивших к нему. Угляна лучше всех знала, что никакие блага не даются даром. И еще знала, что будет, если неправильно проводить умерших дурной смертью.

– Погребли мы их под корнями еловыми, делили добычу с братьями мертвыми, как с живыми.

– Тогда не будет от них вреда. А кого отпустил Лес Праведный, тот пожалуй назад в белый свет! Сбрасывайте шкуры, серые волки, станьте передо мной, добры молодцы!

Угляна взмахнула руками, и волки с визгом бросились на землю: кувыркаясь через головы, они оставляли на земле свои шкуры и личины, вставляли в рубахах и свитах – взъерошенные, с юношеским пушком на щеках, с отросшими волосами, дикого вида, но довольные,

с улыбками во весь рот. Из-под личин показались лица. Иные из них были Угляне хорошо знакомы: самых старших она провожала осенью в лес и встречала оттуда по три-четыре раза.

Волхвита скрылась в избе и тут же вернулась с целой связкой разноцветных поясов. Сотканые из шерстяных нитей, окрашенных корнем подмаренника и конского щавеля, соком черники, корой крушины и дуба, крапивой и березовым листом, чистотелом, цветками нивяницы и велес-травы, каждый имел свое сочетание цветов и узоров, благодаря чему сразу показывал, кто какого рода.

Бывшие волки стали по старшинству подходить к ней, она опоясывала каждого его собственным поясом, оставленным ей на хранение, и приговаривала:

– Был серый волк, стал Задор Путимов сын... Был серый волк, стал Вышезар Краснегов сын... Был серый волк, стал Данемил Звонятин сын... Был серый волк, стал Журыга Нажиллов сын...

Парни подбирали свои шкуры, сворачивали, совали в заплечные мешки и короба, радостно оправляли пояса – каждому веселил сердце вид знакомых цветов и семейных знаков, вытканых руками матерей и сестер. Настоящие имена в лес не брали, и каждый, вновь после долгого перерыва услышав свое родовое имя, ощущал себя заново родившимся в человеческом мире, предвкушал встречу с близкими и радость, которую доставит им своим возвращением.

Два пояса остались в руках у ведуньи – тех, кого забрал лес. Их она отдала Вышезару, чтобы отнес родичам погибших, а те привяжут на погребальные столбы на своем родовом кургане и будут приносить перед ними жертвы в поминальные дни.

– Ступайте, сынки, и да будут к вам милостивы боги в мире людском, как были милостивы в мире лесном! – напутствовала парней Угляна.

Еще раз поклонившись, те торопливо устремились по тропинке прочь из леса.

Угляна еще немного постояла, глядя им вслед, потом вернулась в избу. Ей эта тропа заказана. Она когда-то пришла в лес, чтобы остаться в нем навсегда.

* * *

Когда бывшие волки добрались до Овсеновой горы, там их уже ждали. Старейшины, женщины, девушки собрались встречать своих сыновей и братьев. Но главное – сегодня праздновали приход на землю самого Ярилы, младшими братьями которого были «зимние волки». Ярилины дни – праздники молодых, и сегодня старики и большухи стояли подальше, а девушки в лучших весенних уборах собрались на вершине священной горы. По сравнению с женщинами они выглядели просто и скромно – беленые рубахи, вздевалки с небольшой отделкой, свиты – все белое, только очелья с красной вышивкой да тонкие красные пояски. Похожие на стайку белых березок, они пели, протяжно выкликали молодого бога весеннего расцвета земли.

И вот на опушке замелькали серые пятна рубах, на горе поднялся гомон, девушки разразились ликующими воплями. Из леса показались их братья, их женихи, которых они с таким нетерпением дожидались всю свою девичью жизнь; там, в лесу, они заслужили право стать мужчинами, и девушки ликовали, кричали, приветствуя будущих мужей, воздавая им честь и радуясь предстоящим переменам в своей судьбе.

Один из парней шел впереди – самый статный, красивый, еще с волчьей шкурой на плечах, хотя и с родовым поясом. Под пение и радостные крики Ярила со своей стаей поднялся на вершину горы, и тут к нему навстречу вышли двое: седой прихрамывающий старик с резным посохом – Лежень, и молодая стройная дева в нарядно вышитой белой одежде, с распущенными светлыми волосами, прекрасная, как солнце в окружении сияющих лучей, – его внучка Веснояра. На голове ее зеленел пышный венок из березовых ветвей, другой такой же она держала в руках.

– Здоров будь, батюшка Велес! – Подойдя, Ярила низко поклонился. – Дозволишь ли мне к вам прийти?

– Здоров будь, Ярилушка! – Старик кивнул. – Давно тебя дожидаемся! Пришла тебе пора возвращаться, землю отмыкать, весну закликать, тепло в белый свет выпускать! Вот тебе посох мой, а с ним передаю тебе силу и власть мою, земле зарод творить, хлеб родить, пиво варить, малых детушек водить! – И с этими словами вручил Яриле посох.

– Я бы рад, да один не могу! – Парень ухмыльнулся и потряс отросшими волосами.

– А что же тебе надо? – Старик будто бы удивился.

– Невеста нужна! – Ярила бросил веселый взгляд на Веснояру, что стояла перед ним, словно белая березка в золотых лучах.

– Есть у нас невеста для тебя! – Лежень взял внучку за руку. – Леля краса, золотая коса, давно тебя дожидается.

– Здоров будь, Ярилушка, друг мой желанный! – Леля-Веснояра задорно улыбнулась, и лицо ее сияло, словно само солнце. – Всю-то зиму я тебя во сне видела, ждала, дожидаться не могла! Прими от меня подарочек, дай нам весну теплую, лето красное, осень щедрую!

Она надела на голову Яриле венок из березовых ветвей, он обнял ее и поцеловал под ликующие крики народа.

– Люди добрые, да у нас нынче свадьба! – в радостном удивлении воскликнул Лежень, словно никак этого не ожидал. – Принесем же дары богам и чурам нашим, восславим Ярилу и Лелю!

Поднялся крик, зазвучали радостные вопли, толпа смешалась. Пришедшие и дождавшиеся пробивались к своим, обнимались, рвали друг у друга из рук долгожданного сына, внука и брата, хлопали по плечам, тормошили. Бабы причитали и роняли слезы от избытка чувств, парни и девушки из разных родов обменивались быстрыми изучающими взглядами, словно проверяя, на что те нынче годны. Парни возмужали, но и девки подросли, округлились в нужных местах, и у соскучившихся в лесу парней просто глаза разбегались.

Кое-где причитали вовсе не от радости: к Леденичам и Рудяничам вернулись не все, и женщины поливали горькими слезами пояса, врученные им Вышезаром-Ярилой, старшим над «зимними волками».

Веснояра тайком шарила глазами по толпе, отыскивая Травеня. Вышезар, с которым она справляла «Ярилину свадьбу» уже четвертый год подряд, был всем хорош: не так чтобы очень красив лицом, зато высок, силен, разумен, ловкий охотник и толковый работник. Все ждали, что именно ему она достанется, когда Леденичи наконец приедут забирать невест. И лес валить, и пахать, и косить, и ложки резать, и железо ковать – все он умел, да так хорошо, что старики отпускали его в лес на зиму со столами, ради обычая. А еще потому, что мало кто приносил по весне столько кунных, лисьих, беличьих шкурок.

Любая девка за таким женихом босиком по снегу бы побежала, но Веснояра не ценила своего счастья. В присутствии Травеня ей не удавалось думать ни о ком другом; он притягивал ее, даже когда она на него не смотрела. И чем взял, спрашивается? Парень как парень, стройный, ловкий, лицом ничего себе, но и не сказать чтобы красавец. Однако было в его живом лице и насмешливых глазах что-то втягивающее, раздражающее, манящее и обещающее. Ухмылка, сдержанная и задорная, словно намекала на нечто столь захватывающее, что потом долго не шла из ума. Волосы темно-русые, борода отросла рыжая – смех да и только! И глаза не голубые, как у Ярилы-молодца, а желтовато-серые, как у Ярилы-волка. Но этот волк будто вилял хвостом по-собачьи, припадал к земле, приглашая с ним поиграть, подсовывал лобастую голову под ладонь и улыбался. Все это забавляло, дразнило, влекло Веснояру, хотя она всегда знала, что предназначена для другого. С Травенем она могла только плясать в весенних кругах, и то если Вышезар не смотрит. А Вышезар присматривал за будущей женой, какой ее считал, и эти двое уже не раз затевали драки.

Встретив взгляд Лели, Травень подмигнул, и она опустила глаза, подавляя улыбку и пряча лицо за пышным березовым венком. Вспомнилась их случайная встреча на дворе у Хотиловичей – тогда Веснояра почти не разглядела его в темноте и не была уверена, что ей все это не померещилось. Но сейчас она по глазам его поняла: не померещилось. И... это еще не все. Взгляд Травеня, задорный и значительный, обещал ей новые чудеса.

На площадке зарезали молодого барашка в жертву богам, окропили кровью идолы, потом старики понесли его голову и ноги на ближнее поле. За возглавлявшим шествие Леженем следовал Ярила, ведя за руку Лелю, за ними парни и девушки, потом мужчины, и все пели:

Ходил Ярила по всему белу свету,
Куда он ногою – там жито копною!
Куда он взглянет – там колос взиграет!

На каждом углу поля шествие останавливалось, в земле копали ямку, лили в нее пиво, сыпали зерно из посевных запасов, а Ярила так охотно целовал свою подругу, обещая земле, скоту и людям всяческое плодородие, что народ вокруг одобрительно кричал и смеялся. Раскрасневшаяся Леля под конец стала отбиваться – чего свидетели не одобрили.

Тем временем женщины готовили в обчинах столы. Главным блюдом была яичница, а еще пироги с мясом, зелень, пиво, мед. Во главу стола посадили Ярилу с Лелей, по сторонам уселись напротив друг друга парни и девушки. Сейчас, на празднике в честь юных весенних богов, им принадлежали первые места, тогда как на праздниках после сбора урожая тут сядут зрелые отцы и матери, а зимой, на солнцеворот – старики и старухи.

Устроившись между сестрами Домашкой и Лебедью, Младина поправила заушницы, подняла глаза и обнаружила напротив себя Травеня. Здесь он никак не мог оспаривать у Вышени место возле Лели во главе стола, но они с Младиной сидели очень близко к верхнему концу. Встретив ее взгляд, он задорно подмигнул с таким видом, будто у него нечто приготовлено только для нее. Зная, что просто у него обычай такой, Младина строго поджала губы и опустила глаза: она не желала принимать пустых любезностей. Но тут до нее дошло увиденное, и она в изумлении вскинула взор.

На груди Травеня, под распахнутым овчинным кожухом, краснело несколько пятен, похожих на кровь.

– На лову, что ли, был? – Она кивнула на эти пятна. – Рубаху бы хоть переменял, или у тебя нет?

– Был и на лову! – охотно подтвердил он. – Ловил куниц, белок, серых уток, белых лебедушек! И теперь еще поймаю!

– Широко шагаешь – порты не разорви! – осадила его Младина. – В грязной рубахе, а туда же, в обчину! Хоть богов постыдись, непутевый! Бесстыжие твои глаза!

– А чем тебе моя рубаха не угодила? – Травень в удивлении оглядел себя, и Младина усмехнулась: мало кому удавалось смутить этого ловкого парня.

– Так в крови вся!

– Где? – Травень еще раз обозрел себя и взглянул на нее с искренним недоумением.

Похоже, не прикидывался.

– Домашка, глянь! – Младина дернула за рукав сестру. – У него кровь на груди, а он и не видит!

– Где? – Домашка уставилась на Травеня, но быстро опустила глаза под его вызывающим взглядом. – Да ну, ты что выдумываешь?

– Я не выдумываю! – Теперь уже Младина удивилась. – Ты разве не видишь?

– Молода ты еще на парней глаза пялить! – строго осадила ее Лебедь, самая старшая из незамужних правнучек Гостимила Суровича.

Травень расхохотался, а Младина отвернулась. Украдкой бросив взгляд на парня, она вновь увидела на сером полотне рубахи яркое пятно свежей крови – да большое, с две ладони. И на руках вон тоже... Как они не видят? Но и сам он не видит и вроде бы не думает даже, что она там может быть. Что это значит?

– Послушай-ка, Ярилушка, про нашу беду! – начал с другого конца стола Лежень, когда утопили первый голод и уже начали запевать.

Народ притих – все знали, о чем сейчас пойдет разговор.

– Что у вас за беда? – Вышень выпустил руку Веснояры и нахмурился.

Он еще ничего не знал – обряды раньше не давали времени для разговоров о житейских делах.

– Вышел спор у нас за угожья.

Вышезар-Ярила слушал, постепенно меняясь в лице. В мыслях его еще царил сумбур после «превращения», возвращения домой, встречи с родичами и Весноярой. Обычные житейские заботы пока оставались от него далеки. Но то, что ссора его собственного рода с Хотиловичами может разлучить его с невестой, он понял довольно быстро и оглянулся на девушку: она сидела, опустив глаза. Что Хотиловичи пометили выбранный ими участок, не подлежало сомнению: это видели и их родичи из Залом-городца, уважаемые люди, свидетельством которых нельзя пренебречь. И теперь Суровец с братьями обвиняли Леденичей в том, что они тайком срубили межевые березы, сделав участок как бы ничьим.

– Не знаю, что за леший эти березы заломал, а из моего рода никто к тому не причастен! – с негодованием восклицал Красинег, оправдываясь перед собственным сыном, который в этот день воплощал весеннего бога.

Вышень посуровел лицом и перестал улыбаться. Их род обвиняли в злостном посягательстве на чужие угожья. Если за ними признают вину, то и невест им не дадут, и их дочерей никто не возьмет, и Ярилой его уж больше не выберут.

– Коли так... – Ярила поднялся, оправляя пояс, и народ притих, чтобы выслушать решение того, в ком сегодня пребывал бог. – Пусть боги нам правду скажут. Пусть каждый род по бойцу выставит, и за кем останется верх, тот и прав. Я сам за мой род биться стану, если отец позволит!

Он поклонился Красинегу, но тот с неохотой покачал головой:

– Тебе нельзя нынче – скажут, в тебе бог пребывал, сам Ярила за Леденичей бился, кому ж Ярилу в Ярилин день одолеть! Другого бойца сыщу.

– Парней выберем – пусть Ярилу своей удалью потешат, – кивнул Лежень. – Ты согласен, брат Суровец?

– Согласен! – Тот тоже кивнул. – И наши парни не из худших. Я братанича моего выставлю Годонегу, Немилова сына.

– Пусть братанич мой Данемил, Звонятин сын, за нашу правду бьется, – сказал Красинег, и из-за стола с готовностью встал рослый, худощавый, но жилистый и сильный парень, которому тоже этой осенью предстояло жениться. – И коли он одолеет, то все племя сежанское пусть признает, что мы к нарушению межей не причастны! Видно, и впрямь леший нас с Заломовыми внуками рассорить хочет, а мы с ними всегда в дружбе жили и дальше так хотим!

– Легко на лешего пенять! – крикнул Нажил, старейшина Могутичей. – Да только лешему с того какая корысть?

– Может, недоволен, что лес сводят? – заговорили за столами. – Может, в заповедную рощу его залезли, он и огневался!

– Вырастет там один бурьян вместо проса!

– Чем рубить, сперва надо было у леса спросить позволения!

– Так спрашивали же! И жертвы приносили, не дикие же мы, порядка не знаем! Нет, не леший нам воду мутит!

– Да кто же тогда? – опять встрял Нажил. – Кому еще дялянка та нужна, кроме Леденичей? Там ищи виноватого, кому корысть есть!

– Корысть она разная бывает... – Красинег покачал головой. – И уж коли я найду того лешего...

– Откладывать нечего! – Вышень еще раз оглянулся на Веснояру и кивнул брату Данемилу: – Пошли, ребята!

Все снова повалили во двор, радостный гул сменился тревожным, озабоченным.

– Ой, горе наше горькое! – Домашка пихнула Младину в бок и скривилась, словно собираясь заплакать.

Тычки ее и весьма чувствительны, поскольку Домашка отличалась высоким ростом и могучим сложением – из нее одной вышло бы две таких, как Младина. Но когда она морщилась, у нее всегда делался такой потешный вид, что Младина улынулась вместо того, чтобы пожалеть ее и себя заодно.

– Младинка, что смеешься! Если Данята одолеет, наши будут за напраслину отвечать, а коли Годоня, то мы с тобой без женихов останемся!

– Женихи-то найдутся! – Младина проводила глазами русоволосую голову Данемила, возвышавшуюся над толпой парней. – Только не те...

– А я вот хочу тех! – Домашка даже притопнула. – У Леденичей парни – дубки, один к одному. А достанутся нам какие-нибудь завалившие, негодные... Веснояре-то чего горевать! – Она оглянулась на двоюродную сестру, которую легко было найти среди девушек по пышному зеленому венку. – За нею сразу со всех сторон налетят! А мы...

– Мы тоже не пропадем, не ной! – оборвала ее Младина. – Пойдем, а то не увидим ничего.

Они пролезли вперед, и старики пропустили их в первые ряды, где толпилась молодежь. В середине круга уже стояли Данемил и Годонег, плотный коренастый парень, не такой рослый, но плечистый, с крупными кулаками. Никакого оружия при них не было: они бились «простым боем», и проигравшим считался тот, кто вылетит за пределы обозначенной камнями площадки. Данемил и Годоня посматривали друг на друга с вызовом, но скорее шутливым, чем злобным. Оба понимали важность повода, грозившего рассорить их роды, но они полгода прожили в лесу под одной крышей и считались братьями по «лесному роду», поэтому в нынешнем поединке видели скорее возможность показать родичам и девушкам свою силу и ловкость. Но тем не менее, а может быть, как раз благодаря этому каждый намерен биться до конца и не давать противнику спуску.

Друг друга они знали очень хорошо и заранее представляли, как противник будет действовать. Плотный коренастый Годоня, скорее мощный, чем подвижный, почти не замечал ударов, предпочитал захватить противника в охапку, опрокинуть на землю и давить, пока тот не запросит пощады. Более легкий Данемил в подобных схватках охотно пользовался преимуществом, которое ему давали длинные руки и ноги, и наносил точные сильные удары.

Когда Вышезар дал знак к началу, Годоня сразу кинулся вперед, норовя своим весом вытеснить Данемила из круга, так что народ с той стороны площадки с криком отшатнулся, чтобы не попасть под горячую руку. Увернувшись, Данемил ловко ударил под ребра, но Годоня и бровью не повел. Они закружились по площадке, выбирая каждый удобный для себя миг, Данемил нанес еще несколько ударов – ногой под колено и одновременно кулаками по лицу. В прежние времена этот прием не раз приносил ему успех, но сейчас льющаяся с разбитых губ кровь лишь раззадорила противника, ничуть не уменьшив упрямства и боевого пыла. Годоня отступил на полшага и тут же ухватил Данемила за предплечье – тот едва выскользнул, и то благодаря тому, что оба они перед поединком сняли рубахи и остались в одних портах.

Потерпев эту неудачу, Годоня вдруг пригнулся, но Данемил слишком хорошо его знал, чтобы не понять, куда тот клонит: Суровцев сын тоже не один поединок уже выигрывал, кинувшись противнику в ноги, сшибив наземь и навалившись всем весом сверху. Другой отступил

бы, но Данемил вместо этого резко выдвинул вперед левую ногу и перенес на нее вес тела. Только эта нога, а не обе, и попала Годоне в захват; Данемил устоял и со всей силой ударил противника по спине обоими локтями, выбив из его легких весь воздух. Тот только хэкнул, а Данемил без задержки, выпрямляясь, одновременно правым коленом врезал склонившемуся Годоне в лицо. Выпустив его левую ногу, Годоня рухнул, хватаясь за сломанный нос, ловя воздух ртом и захлебываясь кровью, а Данемил, не мешкая, уселся на него сверху, коленями придавив руки, и для верности врезал промеж глаз – уже не всерьез, лишь вложив в этот удар остаток боевого настроения. Бой был окончен.

* * *

Гулянье после этого продолжалось всю ночь, до новой зари. Победив, Данемил освободил свой род от обвинения в умышленном покушении на чужое. На том и помирились, к облегчению округи: ссора старейших и наиболее многочисленных родов нарушила мир и покой всей волости. Выпив мировую братину, Лежень, Суровец и Красинег подтвердили уговор насчет обмена невестами, к великой радости последних. Девушки визжали и обнимались, и только Веснояра улыбалась словно через силу. Младина дивилась, что с ее сестрой, но вдруг заметила в толпе Травеня, который смотрел на Данемила довольно злобно, и застыла: кое-что ей стало ясно. Ну, конечно! Ведь если бы старый уговор распался, то Веснояра могла бы достаться Травеню. Вот он ухмыльнулся, заметив, что на него смотрят, взъерошил волосы; на руке его мелькнуло кровавое пятно. Кровь оставалась ярко-красной, будто свежая, но... этого ведь не может быть! Она уже давно засохла бы и потемнела... Что это такое?

«Убийца, убийца...» – вдруг долетел до слуха Младины еле слышный шепот.

Она обернулась. Стало страшно. Вокруг сновали люди, но никто из них не смотрел на нее, все были заняты разговором между собой.

«Убийца, убийца...» – зашептало снова сзади, и она снова обернулась, но опять никого не увидела.

– Младинка, что вертишься? – Пробегаючи мимо, двоюродный брат Поспел шутливо дернул ее за косу.

И вот тут она, услышав настоящий человеческий голос, осознала: шепот раздавался у нее в голове. С ней пытался говорить тот, кого нельзя увидеть.

Ее пробрал озноб, зубы застучали. Она крепко стиснула челюсти, пытаясь подавить дрожь, даже обхватила себя за плечи, словно боялась развалиться на части. Травень – убийца? И с ней пытается говорить дух его жертвы? Но кого он мог убить? Все в округе живы, никто не пропал... Кроме тех двоих, что не вернулись из леса...

И почему дух стучится в голову к ней? Она разве волхвита какая?

А Травень уже подошел к ее брату Ярکو, заговорил с ним, с улыбкой похлопал по плечу – видать, прослышал, что у Ярко зимой первенец родился, поздравлял. Тот кивал, благодарил, смотрел на Травеня без малейшего удивления – и не видел кричащих ярко-красных пятен у того на груди и на руках, прикасавшихся к его плечу.

Пользуясь присутствием брата, Младина подошла и встала возле Ярко.

– Что смотришь на меня, девица-красавица? – задушевно обратился к ней Травень, но она ясно видела, что он вовсе не рад ей и сдерживает досаду. – Или я так собой хорош да пригож? Посватался я бы к тебе по осени, да не судьба, богам не поглянулось!

Младина молча смотрела на него исподлобья, будто пыталась просверлить взглядом лоб и заглянуть внутрь. «Убийца, убийца!» – сильнее, быстрее, горячее зашептали голоса у нее в голове. И Травень отвел глаза, поджал губы. Судя по тому, что держался он уверенно, как всегда, вины в кровопролитии он за собой не знал и бояться ему было нечего.

Так, значит, эти пятна крови видит она одна, а ни люди, ни даже сам Травень о них не подозревают! Да и как бы он посмел явиться в святилище, если бы знал за собой такое страшное дело?

– Ох, да что же такое? – рядом возникла бабка Лебедица с испятнанным платком в руке. – Никак кровь не уймется!

Младина вздрогнула, обернулась: опять кровь?

– Поди смочи платок! – Бабка протянула ей тряпку. – Уж я моей бабки Удачихи словом его заговариваю, а кровь идет да идет, ну никак не уймется!

Младина сходила к бадье с речной водой, намочила из ковша платок и пошла вслед за бабкой в обчину, где сидел Годоня: все еще без рубахи, тяжело дыша открытым ртом. Сломанный нос ему вправили, но кровь никак не унималась, отчего он и не одевался, чтобы не испортить рубаху. Его кровь – самая настоящая, видимая всем, горячая, такая нестерпимо горячая...

– Вот, брате! – Младина прижала мокрый платок к его носу. – Была вода живая, стала вода мертвая, и как у мертвого тела кровь не течет, так и у тебя не будет.

– Чего? – Годоня в изумлении поднял на нее глаза. – Ты чего это заговорила, ровно Угляна?

Он взялся за мокрый платок, отнял его от носа, словно для того, чтобы получше разглядеть сестру – и оказалось, что кровь больше не идет.

– Ну, слава чурам, унялась наконец! – Подошедшая следом Лебедица всплеснула руками. – Помог бабкин заговор!

– Да нет, Младинка сильное слово знает! – Годоня поднялся и потрепал сестру по волосам своей огромной рукой. – А такого слова не знаешь, чтобы во всех драках верх брать? Сказала бы сегодня, и не он мне, а я бы ему нос-то расквасил! Да он ведь... – Тут он увидел вошедшего в обчину Данемилу, помахал ему рукой и продолжил во весь голос: – А то ведь этот игрец – сегодня Ярилиный брат, как же ему было не одолеть!

Данемил усмехнулся и тоже помахал: дескать, сегодня я, завтра, глядишь, и тебе повезет.

– Пойдешь за него? – Годоня шутливо подтолкнул Младину.

– За Ярилиного брата чего же не пойти? – Младина улыбнулась, едва понимая, о чем ее спросили и что она ответила.

В ней снова проснулись те странные ощущения, пережитые в роще. Откуда-то она знала, что не бабкин заговор помог, а платок, который она принесла: вода, которой она коснулась, стала мертвой водой, той самой, которая бьет из источника в Нави и обладает способностью заживлять все раны, даже приращивать назад отрубленные руки и ноги... Не каждый волхв может до того источника добраться, а к ней мертвая вода сама пришла.

Данемил в это время обернулся и взглянул на нее. Она попыталась улыбнуться, и он сделал шаг, будто хотел подойти. Но тут какие-то молодые мужики налетели на него, стали обнимать за плечи и тянуть на площадку, где народ уже плясал с топотом и присвистом.

– Пойдем, а то все веселье пропустим! – Приободрившийся Годоня натянул наконец рубаху, опоясался, накинул на плечи свиту и повлек Младину из обчины на воздух.

– Подожди! – Она уперлась ногами в землю и сама вцепилась в брата. – Ты ведь знаешь, отчего те двое погибли?

– Какие двое? – нахмурился Годоня.

– Ну, которые из леса не воротились. Один Леденичей, второй Руденичей.

– А... Знаю. А тебе чего? – ревниво осведомился Годоня, привыкший оберегать тайны лесного братства от посторонних, тем более женщин.

– А вы... вы уверены... что им... особенно Зимнику... ну, никто умереть не помог? – решила Младина, зная, что парню не понравится поклев на его братьев-волков.

Прежде чем ответить, Годоня воровато оглянулся, проверяя не слышит ли кто.

– Да мы сами уж пытались сыскать, нет ли на ком вины. Данята сам уж из тех четверых, кто с Зимником на медведя в тот раз ходил, чуть все кости не вытряс, да ничего не нашел.

– А кто это были? – тоже оглянувшись украдкой, шепнула Младина. – Эти четверо?

– Воронец из Бебряков, Осока да Новиша из Домобожичей да Вялько.

Значит, Травеня там и близко не было...

– А как ваши ту делянку нашли, из-за которой свара вышла? – снова спросила она.

– Да мы и нашли! Мы с парнями! Еще осенью, когда ходили берлоги смотреть, чтобы зимой, значит, взять «соседушку». А кто-то из парней и говорит: вот, дескать место хорошее под пал.

– А кто это сказал?

– Не помню.

– Не... Травень?

– Может, и он. – Годоня задумался. – Вроде он ходил с нами в тот раз... а может, в другой. Не помню я, давно же было...

Младина вздохнула. Так не разберешь, хоть в воду гляди! Уметь бы еще...

– А ты почему про Травеня спрашивала? – Годоня пытливо взглянул на нее. – У вас, девок, одна дурь на уме!

– Нипоче... – начала Младина, но сообразила, что глупо скрывать такие важные вещи от старшего брата. – Сам посуди: кому больше всех надо, чтобы Веснавке жениха не хватило? Или не примечал, что он возле нее так и вьется?

– Нос у него не дорос! – грубо и зло выразился Годоня. – Много парней у Леденичей, всех только Мара изведет, чтобы ему до Веснавки добраться! Но я и сам уже на него думал, собаку рыжую! Вот я на Ярилиных днях погляжу за ним – увижу рядом с ней, руки-ноги повыдергаю! Ну, пойдем!

И он потянул ее к шумной толпе. Младина пошла за ним, но люди вдруг снова показались ей серыми тенями, сквозь которые она может пройти, как сквозь дым...

* * *

Однажды, вернувшись домой с льнища последней, Младина застала сестер в большом возбуждении.

– Угляна приходила! – Ей навстречу выскочила Капелица. – Сказала, что ты завтра пойдешь! Одна! А мы после тебя, все сразу!

– Угляна приходила? – повторила Младина. – Что я пойду... одна? Куда пойду?

– В лес, куда! – подтвердила и Домашка. – Что ты одна, первой, а все прочие после тебя на другой день!

– Но почему я одна?

– У Угляны и спросишь! – с некоторой язвительностью отозвалась Домашка, слегка обиженная тем, что младшую сестру так выделили из всех.

– Ой, страшно небось, да? – Не такая вредная Капелица схватила Младину за руку. – И с сестрами-то страшно, а одной... я бы умерла!

Не далее как в ближайшие сутки Младине предстояло одно из важнейших событий в жизни девушки перед замужеством – «поход в лес», то есть посвящение в невесты. На Сеже оно проходило в неделю Вешних Дедов, чтобы на следующих за этим Ярилиных праздниках посвященная вошла в круг девушек, которые еще до зимы обретут свою судьбу: одни на Купалу, другие осенью. Родов много, а волхвита единственная, поэтому повзрослевшие дочери каждого рода приходили к ней всем скопом.

И если Младине велено прийти одной, не значит ли это, что ее ждет особая участь? Нет, что остальных?

– Но почему я должна идти одна? – Младина подошла к матери. – Угляна тебе не говорила?

– Не говорила. – Соловушка покачала головой, но тут же отвела глаза.

Но Младина видела: мать все же знает ответ. И взгляд, которым они обменялись с Муравицей, это подтверждал.

Они знают. Но не хотят сказать.

– Умна ты и ловка, не в пример сестрам! – Муравица улыбнулась и потрепала ее по плечу. – Одна справишься, вот она и решила. Не бойся. Никому там ничего худого не делалось. А тебе и подавно бояться нечего.

– Но почему мне – и подавно?

Мать и тетка опять переглянулись.

– Потому! – отрезала Муравица. – Может, как раз завтра все и узнаешь.

И опять выразительно посмотрела на мать. Та вздохнула и опустила глаза.

Остаток дня Младина не знала покоя. Почему она должна идти отдельно от сестер – ее ждет нечто особенное? Теперь Младина уже не могла закрывать глаза на то, что с ней происходит нечто необычное. Почему она стала видеть, слышать, чувствовать столько такого, о чем другие не подозревают?

И Угляна может знать, что с ней происходит.

Ой! Уж не «волховской недуг» ли ее мучает? От этой мысли мороз продрал по коже, на глазах выступили слезы. Младина встала, безотчетно сделала несколько быстрых шагов, словно хотела убежать от этой участи. Бывает, что духи сами выбирают человека себе на служение и овладевают им против воли. Избавиться от них невозможно – даже если и удастся отогнать, толку и смысла в жизни такого человека все равно не будет, исчахнет от тоски и пустоты. Ни работа, ни семья, ни еда, ни отдых и веселье не пойдут впрок. Такому человеку одна дорога – в волхвиты. В лес... Как Угляна...

О чурь, да неужели ее, Младину, избрали духи? И она станет новой сежанской волхвитой после Угляны, поселится в старой избе-развалюхе... не будет у нее ни мужа, ни детей... ничего... Ни любви, ни привета, только боязливое уважение бывших родичей... О нет!

Младина с трудом удержалась от желания разрыдаться навзрыд, побежать к матери, зарыться, как в детстве, ей в передник и там найти спасение от всех мыслимых бед. Слезами горю не поможешь. Но ведь иного объяснения и правда нет! Давно... с Ладиного дня, с того часа, когда сжигали старуху Марену, она ощущает в себе это необычное. Уже нельзя сказать, что ей померещилось, надо смотреть правде в глаза. И...

Неужели ей придется уйти в лес навсегда! Неужели она не вернется от волхвиты, станет ее выученицей и преемницей, и напрасно Леденичи надеются заполучить ее в невестки... А она еще на Данемилу давеча поглядывала! Ах, что Данемил, сейчас Младина с радостью пошла бы за лопоухого Вьяла, только бы стать молодухой, как все, хлопотать у печи, накрывать мужу на стол, как придет с поля, вынашивать и рожать детей... Захотелось вцепиться в скамью, в дверной косяк, будто невидимый вихрь грозил унести ее из родной избы в неведомые дали.

Но от судьбы не увернешься, не спрячешься. И захотелось, чтобы поскорее настал вечер, поскорее пойти к Угляне и узнать наконец свою участь. Все что угодно лучше этой неизвестности!

* * *

Остаток дня Младина пряталась по углам и ушла из дому, едва солнце стало клониться к закату. Мужчины еще домой не вернулись, мать, Муравица и бабка провожали ее молча.

Идти предстояло долго, поэтому Младина снарядилась как следует: повязала голову теплым платком, надела вязанные шерстяные высокие чулки, праздничную шушку из белого сукна с полосками красной тесьмы на вороте и рукавах. С собой взяла лукошко.

Ближе к вечеру посвежело, дул ветер, шевелил ветви берез в первой листве. Благодаря этому шуму Младина отчетливо ощущала, что она в лесу одна. Именно сегодня казалось, что сам этот березовый шум лежит между нею и прочими людьми, будто горы высокие и реки быстрые.

Куда идти, она знала и не боялась скорого наступления темноты. Ах, если бы ее ждали лишь те же самые страхи, через какие в свое время прошла и мать, и Муравица, и бабка Лебедица – и та ведь была когда-то невестой, полной обычных надежд и ожиданий. Если это то же, что у всех, то Младина справится. Женские дела ей давались легко: «и прясть, и ткать, и узоры брать»², стирать и стряпать она умела не хуже других.

Пожалуй, в чем-то хорошо, что она идет одна. Будь тут сейчас сестры, стоял бы сплошной писк и визг. «Отдашных девок» у Заломичей в этом году было аж девять голов, но Веснояра, Лебедь и Домашка уже ходили в лес в прошлые годы, значит, остается шесть. Сейчас шептались бы, боязливо оглядываясь, уверяли, что вон за тем кустом волк, а вон там – леший, подзадоривали друг друга, разжигая взаимно страх и неуверенность. Но Младина чувствовала, что давно переросла эти детские глупости – когда только успела? В мыслях было лишь одно: а что, если у нее и впрямь «волховской недуг»? И если Угляна об этом знает?

Постепенно темнело. Настал час, когда вечерняя тьма и дневной свет находятся в равновесии – еще все видно, но уже не светло. В этот самый час Младина вышла к оврагу: он разделял нынешнее поле, которое на днях предстояло засеять рожью, и лядину десятилетней давности. Встав на гребень оврага, она вдруг увидела внизу, прямо на тропе, страховидную фигуру – вздрогнула в первый миг от неожиданности, но тут же взяла себя в руки. А было чего испугаться. Неизвестное существо ростом с человека стояло на двух ногах, но на плечах его лежала волчья шкура, а на голове щерилась зубастая волчья пасть. Руку с высоким посохом человек-волк держал на отлете, преграждая Младине путь через низину. Сумерки, особенно густые на дне оврага – будто темнота понемногу росла из-под земли и уже заполнила наиболее низкие места, – не позволяли рассмотреть его подробнее, и он казался какой-то темной, угрожающей громадой.

Но другого пути нет, надо идти. Младина спустилась по тропе и остановилась в нескольких шагах, ожидая, пока человек-волк заговорит. Она ведь идет «на тот свет», и волк охраняет дорогу туда.

– Куда идешь, отецкая дочь? – глухо спросил человек-волк из-под личины.

Он говорил полуразборчиво, словно не привык к этому, голос звучал глухо и невнятно, так что Младина с трудом его понимала.

– Послали меня в лес за огнем, вот и иду.

– На Ту Сторону нет хода таким, как ты.

– Пропусти меня, Велесов пес, я тебе пирожка дам. – Младина сунула руку в лукошко и вынула пирог с кашей и яйцом.

Сторож тропы протянул к ней лапу – вблизи стало видно, что это вполне человеческая рука, на которой не хватает двух пальцев. И тем не менее это был настоящий Велесов пес: Младина чувствовала, что он принадлежит к миру людей не более чем наполовину, а половина находится на Той Стороне, куда шла и она сама. Шла все это время, от самого Ладиного дня...

Сторож шагнул в сторону, освобождая тропу, и Младина прошла через овраг.

² Брать узоры – ткать браное, то есть узорное полотно, что делают путем выбора определенных нитей основы. (Прим. авт.)

А наверху сразу наткнулась на еще одного человека. Будто поджидая ее, на тропе стоял рослый старик с белой длинной бородой, одетый в простую серую свиту, без шапки, с коробом за спиной и посохом в руке. Яркие голубые глаза были видны даже в сумерках.

– Здравствуй, внучка! – Старик приветливо кивнул ей.

– Здравствуй, дедушка! – Младина поклонилась, недоумевая, откуда он здесь взялся.

Встретить незнакомого человека так близко от своего жилья было дивом, и Младина помедлила, ожидая, что он о чем-то спросит, но вместо этого старик сказал:

– Идем со мной – я тебя короткой дорогой проведу.

– Проведешь... меня? – в изумлении повторила Младина.

Как он может знать, куда ей надо?

К этой встрече, в отличие от предыдущей, она вовсе не была готова. Из полученных наставлений следовало, что весь путь до избы Угляны нужно проделать одной. Бывало, матери и бабки, а то и молодухи, выпив браги на праздниках, принимались вспоминать, как сами ходили в лес – кто два, а кто и тридцать два года назад – какого страху натерпелись, блуждая в крошечной тьме по лесу, подшучивали и посмеивались друг над другом. «А Еловица-то всю ночь в другую сторону брела, прямо к Упрямовой заимке наутро вышла, крюка дала, пришлось весь день назад идти!» – «А Ждановна-то пня испугалась, за медведя приняла, бежать бросилась, лбом в дерево треснулась, потом уж хорошо стало – синяком дорогу знатно освещала!» – «Молчи, Стоялиха, себя вспомни, как вокруг кривой березы полночи кружила, на тропу выбраться не могла, всю одежду выворотила, поршни с ноги на ногу переобула, как вышла на свету к избе – бабка Ворониha со смеху пополам согнулась, потом едва откашлялась! Вот умора-то!» Ни о каких провожатых там речи не шло. Так откуда старик взялся?

Но странное дело: вместо того чтобы насторожиться и оробеть при виде незнакомца, Младина ощутила облегчение. Казалось, она все-таки его знает: может, видела так давно, что забыла, но это свой человек, которому можно доверять. А может... Вдруг осенило: а вдруг это кто-то из ее дедов или прадедов, кого она не застала на свете? Гостимил, дед ее отца. Или прадед – Суровец. А может, и сам Залом Старый.

– Не гадай, как мое имя, внучка. – Старик будто подслушал ее мысли. – Я-то тебя хорошо знаю, а вот ты меня в первый раз ныне видишь. Куда тебе надо, я короткой дорогой проведу. Поспешить придется, нет у тебя времени впотьмах блуждать.

Младина промолчала. Старик шел довольно быстро, а куда, она уже не знала; обычная тропа к избе Угляны пролежала через старую лядину, где стояли сосенки в человеческий рост, а старик сразу свернул куда-то вдоль оврага, где раньше не было тропы. Что-то случилось с привычным миром: Младина не могла бы заблудиться так близко от родного дома, но уже перестала понимать, где они находятся. Местность вокруг казалась и знакомой, и незнакомой сразу, словно привычные рощи, перелески, поляны, лядины и овраги разрезали на кусочки и сшили как-то по-новому. Она в лесу, но в каком? Уже стало совсем темно, лишь последние красные отблески вечерней зари догорали далеко за вершинами деревьев, и Младина толком не видела, куда они идут. Старик шагал чуть впереди, Младина торопилась следом, боясь отстать – несмотря на годы, старик двигался очень быстро, хотя по виду вроде и не спешил.

Впереди затлел огонек, реющий в воздухе; она хотела спросить, что это, но не решилась. Старик вел ее прямо туда.

– Видишь, огонь? – Остановившись, он показал палкой. – Ступай к нему, а оттуда тебя дальше проводят.

Младина сделала два шага вперед, потом оглянулась, желая поблагодарить – но старика уже не было рядом. А может, тьма укрыла от глаз.

Но огонек был виден ясно, и Младина пошла к нему, осторожно переставляя ноги, чтобы не споткнуться. Огонек все рос, разложился на два огонька на высоте примерно в человеческий рост или чуть выше. А когда до них оставалось несколько шагов, Младина вздрогнула и

застыла: огоньки горели в глазах конского черепа, поднятого, наверное, на невидимом колу, но во тьме казалось, что он висит в воздухе сам собой. Таким черепом иногда представляют на зимних и весенних велик-днях саму Марену, и такой ее воображает людской страх – лошадиный голый череп во тьме с горящими тусклым огнем пустыми глазницами.

– Здравствуй, дочка! – произнес голос рядом. – Довел дедушка?

Обернувшись, Младина увидела женщину средних лет, стоявшую возле черепа. И изумленно раскрыла глаза. Подобных женщин она не видела никогда в жизни, но думала, что примерно так должна выглядеть княгиня: высокая, статная, красивая. Ее белая свита была обшита полосками блестящего шелка, на груди блестели два ожерелья из ярких стеклянных бусин, высокую кичку украшали три пары серебряных заушниц. Она казалась величественной, но приветливой.

– Вот ты какая! – Подойдя ближе, женщина взгляделась в ее лицо, прикоснулась к плечу, но Младина от робости и неожиданности попятилась. – Ах, как ты хороша! – в искреннем восхищении воскликнула женщина, и голос ее звенел глубоким волнением. – Ягодка ты моя сладкая, березонька моя белая! Сколько же я тебя не видела! Сердце мое по тебе изболелось... я хоть и знала, что так надо, что иначе погубит она тебя, а все же... как больно родную кровь от себя отрывать... Она обещала, что мы свидимся еще, обещала, что будет тебя оберегать и худого не допустит, а все же сколько я ночей не спала... и сейчас еще не сплю порой, все думаю, где ты, как ты, хорошо ли тебе...

Она сделала шаг следом, протянула руки, желая обнять. Младина, вытаращив глаза от изумления, попятилась снова. Сердце гулко билось. Женщина была так красива, так явно обрадовалась встрече, говорила о какой-то близости, и что-то в сердце Младины так живо откликалось ей, толкало навстречу. Хотелось подойти, обнять ее, прильнуть к плечу. Но это чувство испугало ее своей неожиданностью и силой. Ведь кто ей эта женщина? Блазень полуночный! Заманит притворной лаской и погубит...

Женщина замерла, потом опустила руки и отступила, опомнившись.

– Ты же не знаешь... – прошептала она, так что Младина едва разобрала. – Ты же ничего не знаешь... время еще не пришло... Идем со мной, – заторопилась она вдруг. – Не бойся ничего. Я тебе зла не сделаю. Провожу, сберегу... Путь еще неблизкий.

Они снова пустились в путь, на этот раз через поле или луг. Младина разок оглянулась, но огонек в черепе уже пропал позади. Она не видела ничего вокруг, и оттого казалось, что они унеслись в какие-то неведомые дали. Тайком она оглядывалась на свою новую провожатую: женщина шла так легко, будто скользила по воздуху, ее светлое широкое одеяние колыхалось, рукава походили на крылья, и порой Младине казалось, что рядом с ней летит огромная белая лебедь.

– Ты хотела знать, почему тебя называли Младиной? – вдруг спросила женщина.

– Да, – в изумлении отозвалась девушка. Она и правда задавала это вопрос отцу, и хотя он дал вполне убедительный ответ, у нее осталось чувство, словно он чего-то недоговаривает. – Никто в нашем роду этого имени не носил, а меня нарекли почему-то...

– Ты знаешь, кто такие вещиные вилы?

– Это Рожаницы – небесные пряжи. – Еще бы она не знала таких вещей, дожив до возраста невесты! – Их три – Дева, Мать и Старуха. Когда младенец родится, они к роженице приходят и ребенку путь из бездны в белый свет отворяют. Для них ставят три лучины горящих и три чаши с молоком. Старуха нить жизни прядет, Мать на веретено мотает и на свадьбе к суженой привязывает, а Дева серебряными ножницами нить обрезает, когда придет человеку пора помирать.

– Все верно. Теперь слушай то, чего не знаешь. Жил-был удалой молодец, и звали его Зимобор, Велеборов сын. Полюбился он самой Деве, младшей из вещей вил. Явилась она

ему в облике Младины, души молодильник-травы³, и обещала во всем помогать, но запретила любить земных дев. А он полюбил девушку и жениться хотел, да боялся, что погубит их Младина, вещая вила, как многих уже погубила. И вот однажды повстречал он в лесу глухом человека, да не простого, а волхва, ведуна и оборотня. Звали его Лютомер, и был он сыном самого Велеса. И отдал Зимобор ему венок Младины, а Лютомер тот венок разорвал и мужем стал вещей виле. Был бы простой человек – в тот же миг умер бы, отдав Деве всю свою силу до дна. Только сын Велеса, своего родителя на помощь призвав, справился с Девой. И в тот же миг исчезла прежняя Дева, сделавшись Матерью; Мать стала Старухой, а Старуха ушла во тьму и вновь народилась у бывшей Девы, сама сделавшись Девой. По-прежнему является новая Дева в облике души молодильника и под именем Младины. В ее честь ты и получила свое имя.

– Но почему? – вырвалось у Младины.

– А потому... Ну вот, мы и пришли! – воскликнула женщина.

Очарованная и изумленная Младина опомнилась – перед ними высился деревянный идол выше человеческого роста, и глаза его горели тем же сизым огнем, что и у лошадиного черепа.

– А вот кто тебя дальше проводит, – сказала женщина-лебедь.

Возле идола шевельнулось нечто настолько огромное, что Младина в ужасе отшатнулась.

– Не бойся! – Женщина засмеялась. – Он не обидит. Поможет до места быстрее добраться.

Нечто черное придвинулось ближе, и Младина разглядела, что это тур – могучий лесной бык.

– Забирайся! – Без опаски подойдя, женщина похлопала его по спине.

– С... сюда... на него? – с недоверчивым испугом пробормотала Младина. – К-как?

– Я тебе помогу!

Женщина положила руку быку на лоб, и он послушно прилег к земле, подставив спину. И вот уже Младина сидит на спине тура, с задрожавшими до бедер подолом рубахи и шушки, и крепко держится за рога.

– Ну, прощай покуда! – Женщина обняла ее, прижалась лицом к затылку, поцеловала в висок. – Свидимся еще! Помни меня. Я всегда о тебе помню. Мы еще будем с тобой... – Голос ее прервался, и она похлопала тура по боку. – Ступай, сынок! Времени мало!

От ее мимолетных объятий Младину вдруг охватило удивительное чувство блаженства и покоя: будто стоишь на берегу летнего озера и смотришь, как отражения облаков-лебедей плывут по голубой небесной воде среди зеленых листьев и белых кувшинок. От женщины веяло теплом и свежим запахом трав. На миг захотелось забыть обо всем, прыгнуть с туровой спины, никуда не ездить и не ходить, а остаться с этой женщиной-лебедью, прекрасной и ласковой, как сама Лада.

Но тур уже поднялся на ноги и тронулся с места, и Младина едва не закричала. Ей не так уж часто приходилось сидеть верхом даже на лошади, а тут лесной огромный зверь, да без седла! Жесткая шкура царапала зябнущие бедра, чулки сползли, в нос бил звериный запах, огромная туша под ней ходила ходуном. На скаку сильно трясло, и она до боли вцепилась в рога. Сидеть было страшно неудобно, но это неважно – не свалиться бы!

– Не бойся, не уронит! – долетел сзади веселый голос женщины. – Ведь это твой брат! В добрый час!

И Младина не могла даже оглянуться, чтобы проститься с провожатой. Что значит – твой брат? Каким образом она попала в родню к лесному быку?

Тур ни о чем с ней не разговаривал – знай молотил крепкими копытами лесную землю. О том, что они в лесу, Младина догадывалась по эху, а еще по тому, что ветки постоянно хлестали ее по голове, даже платок сбили на шею. Она наклонилась как могла ниже, почти

³ Молодильник – одно из народных названий ландыша. (Прим. авт.)

легла быку на спину, задевая щекой пахучую шкуру. Грохот копыт оглушал, ей приходилось изо всех сил стискивать зубы, чтобы и они не стучали, как сухие горошины в детской берестяной погремушке. Казалось, от мощной стремительной поступи тура содрогаются небо и земля, даже гром долетает из-за облаков – но вокруг по-прежнему царила тьма. Каждая косточка в ней дрожала, Младина не помнила себя и даже не сразу заметила, когда бык остановился.

Ее так растрясло, руки, ноги, спина, шея так онемели, что она сама не смогла бы даже с него слезть, но тур вдруг лег наземь. Сообразив, что путешествие окончилось, Младина сползла на дерн. Холод земли, еще не прогретой после таяния снегов, отрезвил ее и заставил, собрав себя в кучу, подняться на дрожащие ноги. Тур осторожно встал, снова предоставляя ей свои рога в качестве опоры.

А когда она подняла голову, то вцепилась в них еще крепче. От представшего перед ней зрелища спутанные волосы встали дыбом. В десяти шагах впереди высился тын, где на каждом колу висел череп – лошадиный, коровий, и у каждого в глазницах сияли огни. Прямо перед ней были узкие ворота, и на кольях с двух сторон от них красовались уже человечьи черепа – и тоже с огнем в глазах. Один, два, три... шесть или семь их окружало ворота.

– Мне... сюда? – еле выдавила Младина из пересохшего горла.

Тур кивнул и слегка пристукнул копытом: дескать, иди, не мешкай.

– Спасибо, что довез... брат... – пробормотала Младина, не уверенная, что это была поистине добрая услуга.

Но приходится идти. Одолев дрожь в ногах и немного размяв руки и шею, Младина пригладила волосы, поправила шушку и пояс, по-новому завязала платок, обернулась, готовая к тому, что тур уже исчез. Но нет – он еще был здесь и, вытянув вперед шею, носом осторожно подтолкнул ее в сторону ворот.

– Я иду, иду! – Младина коснулась его лба и перевела дух.

И пошла, чувствуя, как он смотрит ей вслед. В нем и правда ощущалось нечто человеческое, разумное – оборотень, наверное...

Но даже об этом сейчас не хотелось думать. Не чуя земли под ногами, Младина делала шаг за шагом, приближаясь к воротам с горящими черепами и даже не смея подумать, что ее ждет там, за ними... Лесная Баба – костяная нога, нос в потолок врос? Зря она так храбрилась, выходя из дома... Но кто же знал? Вовсе не в эту жуткую избу с человеческими головами на кольях она собиралась.

Горящие глаза черепов следили за ней. Все мысли исчезли, Младина не знала, что делать – поздороваться, попросить позволения войти?

И когда страх ее и неуверенность достигли высшей точки, что-то вдруг изменилось – они отхлынули, и Младина ощутила полное спокойствие. Огни в глазах черепов стали таять, сами черепа и колья тына отступили во мрак, и она уже не видела, а есть ли они впереди. Боясь, что в крошечной тьме потеряет ворота, Младина сделала несколько быстрых шагов, протянула руки... и вместо пустоты воротного проема пальцы уперлись в прохладную шероховатую доску.

Не понимая, что это такое, она стала шарить по доске, пока не наткнулась на изогнутый сук. Положив на него ладонь, она толкнула – доска подалась, это оказалась дверь. Младина шагнула в сени.

– Кто там? – раздался спереди удивленный, но знакомый голос.

Послышался легкий шум, потом скрип. Впереди обозначилась светлая щель, и Младина увидела еще один дверной проем – из сеней в самую избу. На пороге стояла женщина, и гостья узнала Угляну.

– Это... я... – пробормотала Младина, от всех потрясений едва способная сейчас вспомнить свое имя.

– Ты? – Угляна отступила от порога, чтобы свет от лучин внутри избы дал ей лучше рассмотреть гостью. – Младинка? Как же ты так рано?

– Разве рано? Дозволишь ли войти? – спохватилась девушка.

– Я... тебя к рассвету ждала, – обронила волхвита, удивленная, казалось, не менее гостыи. – Ты что, с утра в путь снарядилась?

– Нет. – Младина вошла и опустила узелок на лавку, но сесть без приглашения не смела, хоть и ныли ноги. – Вечером и пошла, как полагается.

– Но как же ты так быстро добралась?

Младина понимала ее удивление: путь неблизкий, от Заломичей до избышки волхвиты – больше чем полдня, не зря же другие девушки тратят на него целую ночь и даже при удачном исходе достигают цели только на рассвете. А она управилась вдвое быстрее.

– Меня... проводили.

– Кто? – Угляна подняла брови. – Нельзя же...

– Я не знаю их! – выкрикнула Младина. – Они сами появились. За оврагом, после Веле-сова пса... Сперва старик седой, потом женщина, красивая такая, а потом... тур.

– Тур? – Брови Угляны поднялись еще выше.

– Да... И еще та женщина сказала, что он мой брат... – закончила Младина, осознавая, как нелепо все это звучит.

Угляна помолчала, потом села на лавку. Младина боялась, что волхвита посчитает ее слова наглым враньем, но та, похоже, приняла их за правду. И эта правда ее поразила.

– Вот оно что, – чуть погодя произнесла она, найдя наконец объяснение этим чудесам. – Значит, вспомнили про тебя... Я знала... знала, что вспомнят рано или поздно. Таких не бросают...

– Кто – вспомнили? Каких – таких? И кто бросил? Духи?

Здорово рассуждая, это было единственное объяснение.

– Можно и так сказать. – Угляна сдержанно кивнула. – Духи...

– Значит, я должна стать волхвитой? – дрожащим голосом выговорила Младина, будто приговор самой себе.

Сейчас, при виде избы, в которой уже не раз бывала, и знакомого лица Угляны она осознала, что чудесное путешествие через ночь служит подтверждением ее самых тревожных, самых неприятных опасений.

– Стать волхвитой? – Угляна удивилась ее вопросу. – Ты зачем пришла-то?

– Чтобы твоей выученицей стать? – в свою очередь спросила Младина.

– А зачем тебе?

Это настолько неожиданный вопрос, что Младина растерялась. Зачем? Да разве ей это надо? И разве ей надо об этом спрашивать, а не духов, которые с самого начала весны не дают ей покоя?

– Не знаю...

– Не знаешь? – так уверенно уточнила Угляна, словно имела в виду какое-то вполне определенное знание.

Младина лишь помотала головой.

– Ну а раз не знаешь, то и нечего попусту время терять. – Угляна встала с решительным видом. – Коли пришла, покажи, что умеешь, а там видно будет. Раз привели тебя ночью, ночью и за дело принимайся: избу вымети, все вычисти, блины испеки, киселя да каши свари, на стол накрой да меня жди.

Потом взяла с лавки короб и вышла, плотно прикрыв за собой дверь. Шаги ее сразу стихли снаружи, и Младина осталась одна – в старой избышке-развалюшке, где жили поколения волхвов, совершенно одна, почти в темноте, где дрожали два лепестка огня на концах лучин да шептались удивленные чурь...

* * *

Оставшись в одиночестве, Младина некоторое время сидела неподвижно. Внутри и снаружи не раздавалось ни звука, но Младину не оставляло четкое ощущение, что она здесь вовсе не одна! Она вглядывалась в углы, пытаясь рассмотреть, кто же там прячется в тенях, поднимала глаза к темной кровле, будто надеясь увидеть над матицей те глаза, что смотрят на нее.

– Духи вещие, чуры мудрые! – наконец сказала она вслух, рассеянным взглядом глядя перед собой. – Я не докучать вам пришла – за наукой и помощью. Помогите мне, наставьте, уму-разуму научите. А я вас уважу, кашей и блинами угощу.

Ни один звук не нарушил тишину, но сама тишина изменилась. Теперь она словно ждала чего-то, подталкивала к действию. И Младина принялась за дело. Этой ночью все твердили в один голос, что у нее мало времени, значит, расслаиваться не стоит. Вооружившись найденным у печи веником, она вымела старую золу с очага, нащипала лучины, разожгла огонь и принялась мести пол. Замешала тесто на блины, поставила на печь горшок для каши, а на камни очага – сковороду. В первые мгновения у нее дрожали руки от волнения, хотя все это ей у себя дома приходилось проделывать сотни раз, но дрожь быстро унялась, возникло уверенное чувство, что все получится – и все начало получаться само собой. Младина думала, что же еще ей предстоит – не может быть, чтобы все испытания заключались в печении блинов! Или может – ведь их проходят почти все, самые нерукодельные девки являются из лесу с новым поясом. Если не на первый год, то уж на второй точно. А пока она думала, руки сами исполняли нужную работу.

Вот она поставила горшок с жидким тестом на пол возле очага, поместила сковороду с лужицей льняного масла в пышущие жаром угли, вылила первый черпак. Потом подцепила блин деревянной лопаточкой, перевернула...

– Как вкусно пахнет! – сказал кто-то рядом, и Младина, вздрогнув от неожиданности, быстро повела головой по сторонам.

Голос был женский, и ей подумалось, что это неслышно вернулась Угляна. Но в избушке по-прежнему никого, кроме нее самой, да и голос слишком звонкий, молодой.

– Давненько блинов я не едал! – оживленно поддержал мужской голос. – Ну-ка, дай попробую!

– Я первая!

– Я первый! – перебил третий голос. – Куда вперед батьки полезли?

– Аш пирма! – проскрипел старушечий голос, говоривший по-голядски. – Проляйскит маня!

Языка прежних обитателей этих мест Младина почти не знала, но догадалась, что и голядка хочет первой пробраться к блинам. Точнее, к пару от горячего угощения.

– Не ссорьтесь, на всех хватит! – закричала Младина, стараясь перебить этот хор.

Вот кто незримо наблюдал за ней из тени – духи прежних хозяев этой избушки. Томимые голодом, они наконец перестали прятаться и подали голос.

Сбросив первый блин в деревянную миску, Младина снова налила теста на сковороду. Старуху-голядку, видимо, пропустили вперед: слышалось удовлетворенное бормотание.

– Теперь нам, на-ам! – умолял женский голос помоложе.

Он говорил по-славянски, но и в нем слышалась привычка к голядской речи.

– Сейчас и вам будет, – обнадежила Младина. А потом спросила: – Ты... Рагана? Или та, старшая?

Невольно она оглядывала полутьму избы, надеялась увидеть своих собеседников – может, теперь они покажутся? Но нет, живому мертвых можно только слышать...

– Меня звали Раганой твои родичи, то есть деды, – подтвердил молодой женский голос. – Это значит «ведьма», потому что моего имени они не знали. А на самом деле я – Гинтара. Старуху зовут Вайдота – я ее не застала на свете, между нами тут целых сорок лет жил Биржеля, а потом изба несколько лет стояла пустой. Потом тут пятнадцать лет жила я, потом мои родичи совсем ушли, и еще лет десять в доме не было живых и все мы голодали. Так голодали, что приходилось иной раз заманивать к себе... кого получится. А потом появился Хитрован.

– Появился... я... – сквозь чавканье подтвердил голос пожилого мужчины. – Жаль, молодка, не повстречались мы с тобой, пока у меня все, что надо, имелось!

– Опять ты за свое! – Рагана, то есть Гинтара, засмеялась.

Сердито ворчала старуха, скрипел что-то дедовский голос – должно быть, Биржели.

– Понравились вам мои блины? – спросила Младина.

– Блины знатные! – одобрил Хитрован. – Да что с того толку? Разве это работа для тебя? Блины-то печь всякая дура может.

– Да, – перестав смеяться, с грустью подтвердила Гинтара. – Не для тебя все женские работы – не колосья ты будешь жать, а жизни человеческие подсекать острым серебряным серпом. И не та тебе сестра, что носит воду от реки, а та, что души младенческие достает из облачного колодца и в белый свет выпускает.

У Младины от огорчения опустились руки. Духи все-таки подтвердили: она станет волхвитой, будет и отнимать жизнь чарами, и выискивать души умерших родичей для нового рождения. Для этого и нужны волхвы – чтобы умершие имели возможность вернуться и род не прерывался. И хотя работа эта была необходимой и почетной, Младина остро тосковала по обычному человеческому уделу – мужу, детям, простым бабьим заботам... Но этого не будет. Не прясть ей и не ткать, а носить одежду из того полотна, что девушки и женщины весной вешают на березы для вил.

– Это для тебя не работа! – добавил Хитрован. – А вот настоящая для тебя работа впереди.

– Что же это такое? – упавшим голосом спросила Младина.

– А вот... – начал Хитрован, но вдруг дверь заскрипела, послышались шаги, и в избу вошла Угляна.

– Гото... – начала она, но взглянула на очаг и осеклась. – Добрая ночь вам, отцы и матери! – сказала она, глядя в пространство над очагом. – Лаба вакар!

Если духи и ответили, то Младина этого не услышала. Угляна пошла к очагу, поставила короб, села.

– Они... говорили с тобой? – Поколебавшись, спросила она и устремила на девушку испытующий взгляд.

– Да. Добрые здесь чуры, приветливые.

– К кому как... А к тебе... Что же – и не страшно было?

– Чего же страшного? – осторожно ответила Младина. – Я ведь знала... что они здесь живут. Вот если бы не захотели со мной говорить – тогда худо дело.

Угляна смотрела на нее во все глаза, будто слова Младины имели для нее совершенно особый смысл.

– Ну... – решила волхвита, – коли сегодня такая ночь, что к тебе твоя судьба навстречу выходит, иди, ищи ее. – Она кивнула на дверь. – Не знаю, где она и в чем. Но ты ступай. Видать, пора настала.

Младина встала, медленно прошла к двери, открыла и шагнула за порог.

Снаружи ее сразу охватил ночной холод, но было не так темно, как раньше: из-за облаков выкатилась полная луна, заливая белесым светом полянку и опушку.

Дверь позади закрылась, Младина осталась одна. Но что толку стоять у порога? Она двинулась вперед, сама не зная куда. Лунный свет так ярко освещал тропу, что казалось, по земле

расстелено бесконечное белое полотно: ровное, гладкое, оно бежало вперед и манило за собой. Младина так увлеклась, глядя под ноги и любуясь им, что ей начали мерещиться на лунном полотне какие-то узоры. И чем дальше она шла, тем яснее они проступали; склоняясь ниже, она вглядывалась и различала с изумлением вышитые знаки и линии, образующие родовое дерево. И оно все тянулось, ветвилось, побеги или корни множились, утекая по реке веков не то вперед – к потомкам, не то назад – к предкам, разве разберешь, в какую сторону растет это дерево! Она даже не заметила, когда ступила на его ствол – неужели луна бросила ей это бесконечное, как у всякого из живущих, родовое полотенце прямо под ноги от порога ведовской избушки? Младина все шла, и уже мерещилось, словно она и не перебирает ногами, а полотно само несет ее к своему истоку – чаше Марены, серебром сиявшей над лесом.

Подняв наконец голову, Младина взглянула на луну. И вдруг увидела на ней прекрасное женское лицо с закрытыми очами, а длинные серебряные волосы спускались к земле, падая ей под ноги...

Осознав это, Младина остановилась. И тут же сияние померкло, она увидела прямо перед собой избушку – почти такую же, как жилище Угляны... но другую... или все же ту самую? Белое сияние ночного светила заливало косяки, бревнышки, конек на крыше, так что они сами казались сделанными из чистого серебра. Замирая и боясь хоть на миг остановиться, чтобы не соскочить с лунной тропы, Младина кинулась к двери, постучала, толкнула...

– Заходи, коли пришла, – раздался изнутри женский голос.

Голос был Младине незнаком, и лица женщины, сидевшей на лавке в переднем углу, она тоже никогда прежде не видела. Выглядела хозяйка серебряной избы лет на тридцать пять – возраст матери, вырастившей старших детей, но еще способной дать жизнь новым. Она была не так чтобы красива, но при виде нее перехватывало дух. Скуластое лицо с широким ртом и умными глазами дышало силой, распущенные волосы окутывали ее всю и почти достигали пола. Лунный свет наполнял избушку, вливаясь в оконца и раскрытую дверь, и делал излишним огонь – но все виденное казалось ненастоящим, призрачным, как отражение в воде или игра облаков.

– Доб... рая ночь... – почти неслышно прошептала Младина.

Что-то сказать надо, все же в чужой дом пришла, но как желать доброй ночи той, что сама является источником и ночи, и добра?

– И тебе того же! – Хозяйка улыбнулась. – Вот ты какая выросла! Хороша! Подойди ближе, не бойся! – позвала она, приветливо кивая девушке. – Ни на кого не похожа, ровно тебя в зыбке подменили! – Сказав это, она рассмеялась, Младина не поняла чему. – Да я и знала, что ты не пропадешь! Чтобы наши да пропали где? Коли пришла, то проси, чего хочешь.

– Я хочу... ничего не хочу! – с мольбой воскликнула Младина.

Перед ней было то единственное существо, что имело власть избавить ее от почти неизбежной участи, отогнать прочь духов – оставить в покое и тем дать право на простое человеческое счастье.

– Ничего мне не надо, ни богатства, ни мудрости, ни славы, я не хочу быть волхвитой, хочу быть как все, выйти замуж, детей родить, мужа любить... Пожалуйста, прошу, отпусти меня!

– Хочешь любить? – Хозяйка снова засмеялась с веселым и довольным видом. Казалось, речи гостьи отвечали ее ожиданиям. – Замуж хочешь? Не печалься – пойдешь замуж. Я для тебя и жениха припасла. – Хозяйка снова улыбнулась с лукавым обещанием и вынула из рукава что-то маленькое.

Младина с удивлением проследила за ее руками – мелькнула нелепая мысль, что сейчас та достанет жениха, будто яблочко.

– Возьми! – Хозяйка протянула к ней руку.

Младина подошла; сделала шаг, другой, третий, и лунная женщина вроде бы приблизилась, но одновременно усилилось чувство, будто она далеко-далеко... Недостижимо далеко... как сама луна.

– Ты спрашиваешь зачем? – сказала женщина, задержав руку, уже готовую вручить подарок. – Я скажу тебе. – Голос ее вдруг стал мягким, в нем зазвучала мечтательная нежность. – Ты – мое сердце, отпущенное в белый свет. Ты – мои глаза, способные видеть... *его*, мои уши, способные слышать его голос. Ты – моя любовь к нему, способная жить в земном мире, ведь сама я не могу к нему приблизиться. Когда я молода и красива, когда силы мои велики – он спит, и даже мои слезы не способны разбудить его. А когда он просыпается и входит в силу – я старею, дряхлею, дурнею и сама скрываюсь во мраке, чтобы не внушать ему отвращения моим старческим безобразием. Мне не дано поймать его веселый взор, в котором блестит огонь жизни и мощь его страсти, не дано прикоснуться к нему, обнять его, ощутить его любовь! Жить в том мире, где есть он, я могу только через тебя. Ты и есть моя любовь к нему, живущая в его светлом летнем мире. Вот потому я пробудилась в тебе. И *он* уже близок...

Она закрыла глаза, готовая отдаться сладким мечтам, по ее телу пробежала дрожь нетерпеливого ожидания, томительной страсти, и то же томление вдруг ощутила Младина.

– Возьми. – Лунная женщина вложила в ее руку что-то небольшое и легкое; по виду она прикоснулась к ладони Младины, но та не ощутила никакого прикосновения, и по-прежнему у нее было чувство, что рука хозяйки от нее недостижимо далеко. – Ты встретишь его, ты будешь отдавать ему свою любовь и любовь получать в ответ. Ты принесешь мне счастье, которого я лишена, а я... я о тебе позабочусь.

Она помолчала, потом выдохнула:

– Ступай...

Младина хотела поклониться и идти прочь, но не могла двинуться. Что-то вокруг неуловимо изменилось, и она обнаружила, что стоит посреди поляны, где и нет никакой избы. Стоит, сжимая в руке что-то маленькое, легкое, мягкое...

А луна по-старому сияла над лесом, и Младина не могла оторвать от нее глаз; ей мерещилось там уже знакомое лицо с опущенными веками и волнами серебряных волос. С трудом пошевелившись, она подняла руку, разжала пальцы.

На ладони ее лежало птичье перо – скорее всего, сокола. А душу все так же заливало томительное желание любви, ожидание встречи – то, что она уже испытывала, но во много раз сильнее. Теперь она знала, чье это желание на самом деле.

Но как же она теперь отсюда выберется? Младина в недоумении огляделась: она понятия не имела, где находится, сюда ее привело лунное полотно, и она совершенно не замечала дороги. В какой стороне Заломичи или избушка Угляны?

Да что Заломичи – знать бы, в какой стороне выход в Явь, если сейчас она в Нави?

Под березами мелькнуло что-то живое, и в полосу лунного света тихо ступила белая волчица с желтыми глазами.

Волк! От испуга Младина попятилась, прижала руку к груди. Вспомнилось, чему учат: если встретится волк, надо вслух позвать троих из умерших предков, и тогда зверь не тронет. Лебедица говорила, что звать надо только дедов-мужчин, а в роду матери, у Бебряков, считали, что и умерших бабок можно...

У Младины дрогнули губы: она хотела назвать имя кого-то из предков, но вдруг поняла, что ни одного не помнит! В памяти зияла жуткая пустота. Она сделала еще одно внутреннее усилие, и вдруг...

– Ратислав... – само собой слетело с губ.

Младина испугалась: что она несет? Какой Ратислав, она сама слышит это имя в первый раз! А следом пришли еще:

– Богомер... Вершислав...

Младина стиснула зубы, даже прижала ко рту ладонь, будто хотела помешать себе говорить. Какой еще Вершислав! В ее предках нет такого, она его не знает! «Ну же! – мысленно приказала она себе. – Опомнись! Вспомни, какого ты рода!» Забыть имена предков – то же самое, что внезапно разучиться ходить, жевать, дышать...

«Будогость, – снисходительно подсказала память, и Младина поняла, что ей стали называть предков по другой линии, раз уж, дескать, прежняя не нравится. – Поборислав... Державец...»

Не произнося ни звука, Младина в отчаянии смотрела на волчицу. Если бы звери умели смеяться, она бы сказала, что волчица усмехнулась. А потом попятилась, тряхнула головой, приглашая за собой...

* * *

Угляна вышла за порог избушки и встала, придерживая дверь и чутко вслушиваясь в звуки ночного леса. Все было тихо, но волхвита настороженно ждала. Эта ночь много значила для нее: сегодня будет подведен итог многих прошедших лет.

На краю опушки шевельнулась крупная тень, и из тьмы неслышно выдвинулось нечто большое, мохнатое. Лунный свет выхватил из мрака взъерошенную шерсть, оскаленные волчьи зубы...

– Ну, что? – с живым беспокойством и даже удивлением окликнула Угляна. – Где она?

– Потерял я ее, – глухо, почти неразборчиво отозвался человек-волк, подходя ближе.

– Как – потерял? – Едва веря своим ушам, Угляна сделала несколько шагов ему навстречу. – Ты брат, и потерял? Да как такое может быть? Иголка она, что ли?

– Да сам не знаю, – с досадой прорычал тот. – Шел за ней, луна, видно все, а... и вдруг нету! Я туда, сюда – нету!

– Ой, боги мои! – Угляна закрыла лицо ладонями и горестно помотала головой. – Да куда ж она могла деться? Боюсь я за нее! – Она опустила руки и взглянула на волка. – Тут ведь ходит один... похаживает...

– Да знаю я! – сердито рыкнул волк.

– А вдруг наткнется на него? Случись с ней что... мне не простят! Пойдем ее поищем! – взмолилась волхвита. – Пойдем! Иначе мне до утра покоя не знать!

– Пойдем, – со вздохом согласился волк. – Я упустил, моя вина, мой и ответ...

Вдвоем они двинулись по тропе, куда ушла Младина. На ходу волк прислушивался, принюхивался, но не улавливал никаких признаков присутствия кого-либо, кроме них. Однако эта тишина ничего не значила. В здешних краях уже много лет обитало зло, чья сила превосходила силу хранителей сежанских лесов, и наибольшее, что им удавалось – держать это зло подальше от людей.

Луна скрылась, и Угляна замедлила шаг. Однако темнота уже не была такой непроглядной: еще не светало, но все же утро близились.

– Может, покричать? – неуверенно предложила она.

– Покричать? – Волк обернулся. – А ты, мать, куда ее посылала-то?

– Да разве я знаю? – устало ответила Угляна. – Ее дорога куда дальше моей лежит, не могу я и знать, куда ее позовут. Мое дело – ее в путь снарядить, а придет она, куда ей велено.

– Ну, вот она и ушла... куда ее дорога лежала. – Человек-волк покрутил головой, увенчанной волчьей мордой с оскаленными зубами. – А мы тут ходим, ищем, как дураки.

– Это если у нее все ладно. А если просто заплутала?

– Тогда к жилью выйдет или к реке, а там уж дорогу сыщет.

– А если ее в глушь уведет? Или заманит... этот...

Волк повернулся, хотел ответить... Как вдруг у него на глазах нечто темное навалилось сзади на Угляну, обхватило ее и рывком утянуло в тень за кустами. Женщина не успела даже вскрикнуть.

Но человек-волк отлично понял, кто на нее напал. Сердито рыкнув – как тихо гад подкрался! – он прыгнул вперед и успел вцепиться в мокрую медвежью шкуру. В руке его блеснул длинный нож. С силой он полоснул по шкуре – брызнула холодная влага. Нападавший выпустил добычу, и Угляна упала наземь.

Мрак скрыл отчаянную схватку двух чудовищ – полулюдей-полужверей. Противник волка был закутан в медвежью шкуру и отличался огромной силой. Не имея никакого оружия, он так сильно давил и ломал врага, норовя вцепиться зубами в горло, что человек-волк едва успевал уворачиваться; руки нападавшего были холодны как лед, и хотя из порезов на теле уже текла кровь, он не становился от этого слабее. И кровь эта была холодна, как речная вода, зато глаза его горели, будто болотные гнилушки. Заросшее черной бородой и закрытое длинными темными волосами лицо мало отличалось от звериной морды, только глаза сверкали желтым огнем, сами похожие на зверей в чаще.

Человек-волк хрипел, рычал, подвывал: он хотел крикнуть Угляне, чтобы она бежала прочь, под защиту чуров-волхвов, пока он в силах сдерживать лесного навяка, но не мог говорить ни слова. А Угляна и не имела сил бежать: полузадушенная, она едва сумела немного отползти, чтобы не попасть под ноги дерущимся, и кашляла, хрипела, судорожно хватая ртом воздух. Если бы ее союзник не подоспел, в следующий миг навяк сломал бы ей шею и выпил кровь досуха. Помогло и то, что она, выходя из дома, опоясалась жгутом из крапивы: почуяв жгучую боронец-траву, навяк отпрянул и не успел сделать свое дело.

Но и сейчас рано было радоваться спасению. Одинец, вожак «молодых волков», единственный в округе имел хотя бы надежду одолеть Паморока – мертвого, но неупокоенного колдуна. Пять лет перед своей смертью тот держал Угляну в плену, украв из дома, от мужа и маленького сына, в дневное время оборачивая в кошку и только ночью возвращая ей человеческий облик. Пока однажды зимой водяные девы не увели его с собой под лед – на глазах у дружины князя Зимобора и половины Заломичей. Но, похоже, колдун-оборотень и на дне речном умер не до конца и сохранил ровно столько силы, чтобы весной, когда Явь и Навь соприкасаются, выходить и искать мести да поживы.

Напрягая все силы, Одинец пытался перерубить Памороку шею, чтобы отделить голову. Он уже полоснул по горлу и груди, и черная холодная кровь непрерывно текла из широкого разреза, заливая и самого колдуна, и его противника. Но перерезать горло было мало для того, чтобы его убить.

Изловчившись, Паморок вцепился зубами в плечо Одиноца, и тот вскрикнул. А навяк тут же перехватил его руку с ножом и дернул, ломая кость; Одинец вскрикнул снова, уже слабее, теряя сознание от боли. Они вместе рухнули наземь, на мох и палую листву; Паморок навис над противником, прижимая его к земле, и потянулся к горлу.

В это время Угляна повернулась и попыталась встать. На краю поляны еще что-то зашевелилось. Мельком глянув в ту сторону, она увидела, как из-под ветвей выходят двое: девушка и волк, вернее, волчица. Угляна подалась к ним, пытаясь крикнуть, предостеречь, прогнать девушку прочь, но из горла ее вырвался лишь хрип.

В это время и Младина заметила происходящее под кустами. В первый миг она вздрогнула, ахнула, отшатнулась, словно и правда хотела бежать от этого дикого зрелища: двое, не то люди, не то звери, оборотни-чудовища, боролись под влажными от росы ветвями подлеска, катались по палой листве, ударяясь о стволы и выступы корней. Оба в растерзанных шкурах, висящих клочьями, оба залитые черной кровью, издающие визг, вой, рычание, урчание. Но тут же она заметила Угляну на земле и застыла.

А белая волчица мгновенно кинулась вперед – вскочила на спину Паморока и вцепилась зубами в загривок. Он подпрыгнул, обнаружив нового опасного врага, забился, пытаясь сбросить его со спины, но волчица все крепче сжимала челюсти, грозя перекусить ему шейные позвонки. Тогда Паморок покатился по земле, норовя ее раздавить; волчица отпрыгнула и приземлилась между ним и людьми. Грозно ощерясь, она давала понять, что не пропустит навяка к живым, и вновь изготовилась к прыжку.

И тогда Паморок на четвереньках метнулся в сторону, скрылся за кустами и пропал. Только елочки закачались, но быстро успокоились, и лишь череда черных пятен крови отмечала то место, где пробежал навяк.

А Младина тем временем уже оказалась возле лежащего. Угляна подползла туда одновременно с ней; девушка в первый миг вздрогнула, не в силах понять, к человеческому или к звериному миру принадлежит это растерзанное существо, залитое черной кровью навяка и красной – своей собственной. Но Угляна быстро откинула клочки рваной шкуры, и Младина увидела лицо человека – мужчины лет сорока, с загрубелым обветренным лицом, отмеченным несколькими шрамами, с полуседой бородой на впалых щеках. Он тяжело дышал, приоткрыв рот и показывая, что с обеих сторон у него не хватает по несколько зубов. Тем не менее Младина отметила, что в молодости, пока лесная жизнь не оставила на нем свои следы, он был довольно хорош собой. Полубессознательно он вскинул руку, желая не то позвать на помощь, не то защититься, и она увидела, что на этой руке не хватает двух пальцев. И вспомнила, что уже видела эту руку и даже эту шкуру, тогда еще не порванную. Не далее как минувшим вечером, в овраге... да неужели это было вчера? Казалось, с тех пор миновали годы.

– О боги мои! – запричитала Угляна, торопливо освобождая Оди́нца от шкуры, под которой не было рубахи, а только порты, и осматривая раны. – Да как же... Сейчас я...

Она выхватила нож из кожаных ножен на поясе и торопливо отрезала полосу от подола собственной сорочки, чтобы поскорее перевязать раны. А Оди́нец, с усилием моргая, смотрел вверх и видел над собой сразу две головы: молодой девушки и белой волчицы. В глазах у него все плыло, от боли и потрясения мутился разум; ему казалось, одно и то же существо предстает перед ним сразу в двух обликах.

– Мать... волков... – бормотал он еле слышно. – Я... умираю... иду к тебе... прими меня... мать... ма... мар...

– Да что же ты стоишь? – накинулась Угляна на Младину. – Он же кровью истечет, а ты глазами хлопаешь! Давай скорее, оторви от сорочки, перевяжем да понесем в избу – там у меня травы, отвары, а то пока за мужиками побежим, он не дожидется!

– Сейчас...

Младина рассеянно смотрела куда-то в пространство. Она знала: нужно не то, чего требует от нее Угляна. Другое...

– Раны... надо промыть... – пробормотала она, будто вслушиваясь в подсказку.

– Да где промыть, до реки далеко, нести не в чем, а в реке хрен этот мохнатый, чтоб его Ящер жрал!

– Нет... Это близко... рядышком... я сейчас...

Все так же глядя куда-то мимо Угляны, Младина медленно протянула руки вперед. Она не видела леса и травы, перед глазами ее клубился туман, а под ним бился родник; струи играли живым блеском, над ними мерцали искры. Вода была серовато-синей, словно в ней размешаны сумерки... Младина увидела, как ее пальцы проходят сквозь туман; вот кончики пальцев коснулись воды, обжигающе-холодной на ощупь, вот погрузились в нее. Младина зачерпнула воды ладонями и осторожно, чтобы не расплескать, вынула их из серого тумана.

Угляна замерла с открытым ртом; она лишь успела ощутить, как рядом растворяются ворота Нави... или как нечто движется прямо сквозь стену, точно человек – сквозь завесу

тумана, не встречая осязаемой преграды. И вот уже Младина, не двинувшись с места, держит полные горсти воды; вот она выливает эту воду на раны Оди́нца, и те на глазах закрываются!

– Это мертвая вода! – подняв взгляд, пояснила Младина, и в ее глазах Угля́на увидела тот серый туман. – Как у мертвого тела нет ни раны, ни крови, так и у Оди́нца, сына Велесова, нет ни раны, ни крови, ни уразу...

Оди́нец перестал стонать. С закрытыми глазами, он лежал вытянувшись, совершенно неподвижно. Кровь действительно перестала идти. Угля́на склонилась над ним, пытаясь понять, дышит ли он.

И в это время белая волчица осторожно оттолкнула ее голову своей головой. Волхвита отпрянула. А волчица лизнула лицо лежащего, потом выдохнула ему в нос.

И веки Оди́нца дрогнули, ресницы затрепетали, он медленно вздохнул, глубоко втягивая воздух, будто впервые пробуя его на вкус.

– Мать... волков... – снова пробормотал он. – Ты... пришла...

– Мать Волков! – повторила и Угля́на, сев на мох и сжав руки перед собой. – Это ты... я не признала...

Белая волчица попятилась, огляделась, проверяя, все ли дела сделаны, потом повернулась и миг скрылась за кустами.

А оставшиеся на поляне вдруг заметили, что уже совсем светло – наступило утро.

* * *

На этом рассвете Младине полагалось бы только добраться до избушки волхвиты и приступить к обычным девичьим испытаниям. Когда же этот рассвет пришел, у нее уже столько всего осталось позади, что она казалась себе повзрослевшей лет на десять. Если бы ее сейчас спросили, сколько ей лет, она не смогла бы ответить, хотя до замужества свои года обычно помнит – считать еще не так много. А ей было и мало лет, и бесконечно много, а главное, это не имело никакого значения!

За небольшое время Оди́нец настолько оправился, что смог, опираясь на двух женщин, своими ногами дойти до Угля́ниной избы. На его плечах отчетливо виднелись багровые рваные шрамы от зубов навяка, но раны закрылись и уже не столько болели, сколько зудели – значит, заживают. Осмотрев их, Угля́на не нашла признаков воспаления – мертвая вода очистила кровь.

Вот они уложили Оди́нца на лавку, накрыли, напоили отваром из девяти целебных трав. Он заснул, а они сидели по обе стороны очага и торопливо ели остывшие блины прямо из миски, даже ничем не смазав: обе вдруг обнаружили, что умирают от голода!

– Где же ты была? – наконец спросила Угля́на.

– Не знаю, – с набитым ртом ответила Младина именно то, чего волхвита и ожидала. – А кто такая волчья мать?

За эту ночь она стала достаточно взрослой, чтобы задавать вопросы. Но Угля́на не сразу ответила: перестав есть, она подняла взгляд и какое-то время смотрела в глаза девушке. Но та спокойно ждала ответа, и волхвита заговорила:

– Волчья Мать... Это... самая старшая волхвита, воплощение Мары. Она только зимой к людям выходит, а летом в лесу живет. От нее каждый Оди́нец свою силу получает и может «молодых волков» лесной науке обучать.

– Что значит – каждый Оди́нец? Их разве много?

– Знамо дело, много. В каждой волости свой. Наш-то Оди́нец только с нашей волости «волчат» обучает, а в других свои. На Касне, на Жи́жале. Думаешь, весь белый свет у нас тут начинается и кончается?

– Ну... – Младина вроде и понимала, что это не так – о том свидетельствовало полюдые смолянского князя, каждую зиму сюда приходившее и приносившее дыхание большого мира. Но каждый ведь живет в убеждении, что его привычный мир и есть белый свет. – Так Одинец – это не его имя?

– Имя. – Угляна кивнула. – Он его получил, когда в Одины перешел. До того, пока сам в простых «волках» зимой жил, лесное имя у него было другое, а человеческое – то самое раннее. А как совсем он в лес ушел, так старое имя человеческое забыл. А про Волчью Мать ты поболее моего должна знать! – Угляна вдруг вернулась к прежнему разговору. – Ведь она если и не сама с тобой приходила, то дочь свою послала. Где ты с ней повстречалась?

– В лесу... у избы... где луна...

Младина морщила лоб, пытаясь вспомнить все, что с ней случилось, но мелькали смутные, обрывочные видения. Так сон, вроде бы связный и внятный, после пробуждения стремительно разваливается на бессмысленные куски, которые не вытащишь из памяти, как не сожмешь кисель в горсть, и испаряются они в считанные мгновения.

– Я только знаю... Ой, мне ведь жениха дали! – вдруг обрадовалась она и схватилась за берестяную коробочку на поясе.

В этой коробочке она принесла иглы для шитья и вязания, нитки, ножницы, пряслень на случай, если тут придется рукодельничать, и туда же спрятала полученное перышко. Мелькнула мысль, что перышко померещилось ей, как сама лунная женщина, но нет – оказалось на месте.

– Вот! – Младина с торжеством показала добычу Угляне. – Она мне сказала: коли пришла, то проси, чего хочешь. А я сказала, что хочу выйти замуж. А она сказала: хочешь, так выйдешь. И вот это мне дала. Значит, я не буду волхвитой!

– Ну, раз Волчья Мать разрешила... – Угляна развела руками. – Так приходи в поневу прыгать.

– Можно? – Младина от избытка чувств поднялась на ноги.

– Ну да. – Угляна встала, пошла к укладке, откинула крышку, порылась внутри и с самого дна достала тканый пояс. Подойдя, опоясала девушку и расправила помятые за время лежания концы с красными кистями и обережными узлами. – Милости прошу!

– Ой! – Младина запрыгала от радости, хлопая в ладоши.

Новый пояс, врученный волхвитой, означал, что испытания пройдены и новоявленной невесте осталось только надеть поневу. Младина ликовала, будто криворучка, не умеющая даже избу выместить и почти не имевшая надежды на такой успех.

И даже не заметила, что Угляна повязала ей вовсе не тот пояс, что Бебеница соткала для нее, как и для других своих дочерей. А совсем другой – с чужими, незнакомыми родовыми знаками в узор, да и укладке он явно пролежал не год и даже не десять лет...

* * *

Уже засыпая дома на полатах, Младина слышала, как внизу шепчутся мать и Муравица. Они разглядывали тот тканый пояс, в котором Младина пришла из леса.

– Не этот ты давала? – переспрашивала Муравица.

– А то сама не видишь? Когда у нас в роду такие ткали?

– Может, у вас в роду!

– Я только два пояса новых сделала, для младших, а старшим старые достались, бабка из укладки вынула. Я и отнесла, какой надо. А Угляна ей вон что навязала!

– Стало быть, у них в роду такие делают.

– А ты не помнишь, какие она сама-то в молодых годах носила?

– Не помню. Хотила-то ее взял лет за пять до того, как я замуж вышла, она тогда уже нашими подпоясывалась.

– А ты не видела, какие пояса Глуховичи ткнут?

– Да их сами-то лет десять никто не видал. Не то повымерли, не то ушли куда... Но неладно как – девка наша, а к мужу поедет в чужом поясе! Может, заменить? У тебя нет еще своих-то?

– Есть, я на младших заготовила. Да не хочу менять, – с сомнением произнесла Бебрения. – Коли Угляна такой дала, стало быть, надо.

– А он старый... – Подняв к глазам, вглядываясь при свете лучины, Муравица изучала кисти из красных шерстяных нитей. – Полыню весь пропах, чуешь? Уж как бы не самой Угляны девичий пояс. Ты, конечно, как хочешь, но я бы своей девке не позволила такой носить. Не принесет он ей счастья! Так что... – помолчав, добавила Муравица, – не сказала ей Угляна?

– Видать, не сказала, – еле слышно ответила Бебрения.

– И ты не скажешь?

– Если она не сказала, зачем я буду? Стало быть, и незачем.

– Но пояс-то свой дала!

– Пояс, пояс... Не нашего ума дело.

– А чьего? Девка-то твоя!

Бебрения только вздохнула. Они знали больше, чем Младина, но меньше, чем требовалось для понимания этой запутанной судьбы.

У Младины от услышанного даже сон пропал. Когда пару дней спустя из леса воротились сестры, все успешно выдержавшие испытания и гордые новыми поясами невест, ей сразу бросилось в глаза, как сильно ее пояс отличается от их поясов – одинаковых у всех пяти. Эти пояса в глубокой тайне, чтобы никто не видел и не знал, ткнутся старшими женщинами: обычно матерью и бабкой, соблюдающими молчание все время работы. В этих поясах новоявленные невесты участвуют в предсвадебных игрищах, потом в них же девок увозят к будущим мужьям (а иногда снимают при выходе из родного дома). В новом роду свекрови наутро опояшут молодых красными поясами со знаками нивы засеянной, обещающей богатый урожай. Девичьи пояса остаются в род и передаются новому поколению невест; только если девушка умирает до свадьбы, ее кладут на краду с этим поясом.

Назавтра Младина тоже разглядела, что узоры на ее поясе какие-то чужие, да и выглядит он старше нее самой. На красном поле чередовались знаки солнца – «ярги» и еще один знак, довольно редкий, обозначающий волка. Вытканы они были синей нитью, что само по себе нечасто встречается. И этим пояс Младины сразу выделялся среди поясов сестер, совсем новых, где на таком же красном поле чередовались белые знаки солнца и незасеянной нивы.

Так, значит, мать и Муравица думают, что Угляна передала ей свой собственный родовой пояс? Но почему? Она могла бы это сделать, если бы собиралась-таки взять Младину в выученицы. Но волхвита сама сказала, что замуж Младина выйдет... Да и лунная женщина, Волчья Мать, ей это обещала.

Да неужели это родовой пояс Глуховичей? Род, из которого была когда-то взята Угляна, дочь Нездрава, жил на отшибе, а в последние годы совсем захирел. Младших сестер Угляны никто не взял замуж, хотя их никто не мог винить в ее несчастливой судьбе, и еще много лет после этого глуховскую весь наполняли старые девки с морщинистыми лицами, злобными глазами и седеющими косами. При упоминании Угляны они только плевались. А раз оттуда невест не брали, то и своих никто Глуховичам не давал. Несколько глуховских парней раздобыли себе жен где-то на стороне – украли, видать. Ходили нехорошие слухи, будто иные тамошние перестарки рожали от своих же братьев, после этого Глуховичей и к жертвоприношениям на Овсе-невой горе допускать перестали. В последние годы никто уж и не знал, жив ли еще этот род или сгинул совсем.

И неужели Угляна дала Младине свой девичий пояс в надежде, что та станет наследницей угасшего рода, выйдет замуж и даст ему новую жизнь?

А еще – что за имена пришли ей на ум вместо имен собственных предков при первой встрече с волчицей? Теперь-то онемение памяти прошло, и Младина могла назвать их сколько угодно: от самого Залома Старого. Уж не предков ли Глуховичей она тогда невольно пыталась призвать на помощь? Но почему?

Никакого внятного объяснения Младина подобрать не могла. Наверное, его знает женщина-лебедь. Теперь Младина жалела, что от растерянности не задала ей никаких вопросов. Однако пояс – вот он. А значит, все случившееся в ту дивную ночь ей не приснилось. Однако Младина и сама не знала, радуется ли ее это.

* * *

Младина стояла на толстой березовой ветке, придерживаясь за ствол. Внизу, у нее под ногами, волхвита Угляна и две девушки – Домашка и Ледана из Домобожичей – держали расправленную поневу – три широких полосы толстой ткани, нанизанных на гашник.

– Душенька-девица, милая сестрица, Младина свет Путимовна, прыгни, прыгни! – зывали они к ней. – Вскочи в поневу, вскочи!

– Не хочу! – вопила Младина, которую по указанию Угляны пустили на березу первой. – Не хочу и не буду прыгать!

– Прыгни, прыгни! Мы тебе орешков дадим!

– Ягодок сладких!

– Блинов масленных!

– Ну ладно! А-а-а!

И с громким воплем она прыгнула, стараясь попасть ногами в расправленную поневу. Дело не такое уж легкое – иная валилась, задев стоявших внизу, все с криками и хохотом падали на траву и не сразу могли подняться, разобрать, где чьи руки-ноги. Наконец все встали, Младина надела поневу как следует, Угляна затянула гашник вокруг ее стана, и гордая девица пошла по кругу, целуясь со всеми, кто уже облачен в одежду взрослой женщины.

На березу полезла следующая из еще не одетых. Над поляной стоял смех, крики, вопли, когда кто-то не мог сразу взмоститься на нужную ветку, приходилось подсаживать еще раз. Визжали и хохотали молоденькие девчонки-недоросточки, толпившиеся на опушке, поодаль: им еще не пришла пора «лезть на березу», они пока носили только беленые рубашки с простыми поясками и издали смотрели на обряд и чествование своих старших сестер.

Когда наконец все будущие невесты облачились в понево и встали в круг, горделиво поглядывая друг на друга, под деревом осталась одна Веснояра. На голове ее возвышался огромный венок из зелени, цветов и березовых ветвей, целая гора почти таких же березовых венков, только поменьше, лежала возле нее на траве.

Я в веночке, я в зеленом,
Ходила, гуляла, —

запела Веснояра, и прочие девушки двинулись вокруг нее и дерева, взявшись за руки.

Эй, Лели-Лели, ходила гуляла!

– подхватили они за ней.

Мой веночек, мой зеленой,

Веночек, веночек, аленький цветочек.
Да кому я свой веночек,
Да кому я свой зеленой подарить?
Эй, Лели-Лели, подарить?
Подарю я свой веночек,
Подарю я свой зеленой
Красной девушке на головушку,
Младине свет Путимовне!

И опять Младина первой вышла в круг и получила венок из рук той, что сейчас воплощала саму богиню Лелю. Стоя по разные стороны зеленого венка среди березовых ветвей, Веснояра и Младина потянулись друг к другу, чтобы поцеловаться и тем закрепить вновь возникшее посестримство между земной девушкой и богиней Лелей.

И вдруг венок качнулся, будто его толкнула невидимая рука, и ветка хлопнула Веснояру по лицу! Та вздрогнула и в изумлении уставилась на Младину; на щеке сежанской Лели краснел след от удара. Столь же изумленное лицо младшей сестры убедило ее, что та здесь ни при чем, да и как бы девчонка посмела ударить ту, что сейчас воплощала богиню!

Ой, Лели-Лели, у нас новая сестра!
Да Младина свет Путимовна!

Круг двигался дальше, Веснояра раздавала венки всем по очереди. От движения круга, от многократного пения одних и тех же строк кружилась голова, перед глазами плыло бело-зеленое марево, и уже казалось, что березы вокруг поляны тоже водят хоровод, тоже кланяются самой старшей, тоже поют...

А Младина все оглядывалась на ходу; свисающие на глаза березовые листья мешали смотреть, перед взором мельтешило, и ей все упорнее мерещилось, будто на поляне идет еще один круг – из белоствольных берез или из неведомых дев, одетых в белые невышитые рубахи, без поясов, с распущенными волосами до самой травы... Те тоже пели прекрасными голосами, похожими на журчанье прозрачного ручья под яркими лучами, их белые лица скользили, как солнечные блики на зеленой траве. Их круг шел то возле самой березы, то за спинами сежанских дев, то поперек – белые фигуры проходили сквозь цепь сомкнутых девичьих рук, никто ничего не замечал. Это были вилы, иначе русалки – дочери Дажьбога, приносящие влагу на поля. Те духи трав, деревьев, земли, что позволяют всему этому цвести и давать плоды.

А стоило Младине бросить взгляд вперед, где стояла ее старшая сестра, как она видела не украшенную венками и рушниками березу, а женскую фигуру, тоже в белой рубахе, с широко раскинутыми руками, на одну из которых они недавно все по очереди лазили. Распущенные волосы кудрявились зеленой листвой, улыбающееся лицо сияло, словно солнце... Но туда Младине смотреть было тяжело: лик солнечной женщины слепил ее, вызывал почему-то досаду, неприязнь, обиду... Само это сияние толкало ее прочь от березы, так что она уже нарочно старалась завесить глаза листвой венка и не смотреть... ни в коем случае нельзя встречаться взглядом с той, что в березе, иначе она узнает... Что «узнает», чего солнечной женщине нельзя знать, Младина не понимала сама, но с трудом сдерживала желание вырвать руки из ладоней подруг и убежать, спрятаться где-нибудь за кустами...

Наконец венки были розданы, и Веснояра пригласила всех к угощению. Лицо ее горело, в глазах блеснула досада, и на лице ее Младина заметила несколько свежих царапин. Некоторые из девушек тоже потирали щеки – видать, и им досталось от недоброй березы. Но почему? Что такое? Чем сежанские невесты в этом году не угодили вилам?

Правда, их старались задобрить: к подножию ствола возложили все принесенные припасы, лепешки, пироги, яичницу. Веснояра позвала угощаться русалок, потом каждой девушке выделила часть угощения, и все принялись за еду.

Младина постаралась устроиться как могла дальше от березы, прячась за спинами других девушек. Ее не покидало чувство, словно глаза солнечной женщины следят за ней с каждого блика на листе, с каждого луча, пронизывающего рощу. Но и теперь она продолжала видеть белые фигуры: стройные девы с распущенными волосами, достающими до земли, неслышно скользили между сидящими на траве живыми девушками, пересмеивались, перебрасывали друг другу венки, дергали сидящих за косы. Больно, судя по тому, что то одна, то другая вскрикивала и принималась вертеть головой, пытаясь понять, кто ее обидел. Две или три даже заспорили, одна толкнула другую, вон Кудряшка дернула за косу Лисену – как думала, в отместку.

Младина замерла и вдруг поймала взгляд вилы. На лице той отразился испуг, потом она почтительно поклонилась и метнулась в сторону, пропала, спряталась в березовый ствол.

А проследив глазами за ее бегством, Младина увидела еще несколько белых фигур. Четыре русалки стояли поодаль, в тени кустов, поникшие, грустные, будто не смели выйти на солнце, принять участие в общем пиршестве. А когда одна из них повернулась, Младина ахнула: шея и грудь белой девы залиты чем-то черным.

И она сразу поняла – это кровь.

Все четыре обернулись и уставились на Младину. Ее пробрала дрожь: в глазах их горели сизые огоньки, и весь их мертвенный вид был так неуместен на этой светлой, радостной поляне, что тень куста казалась границей, отделяющей мир смерти, из которого духи завистливо заглядывают в жизнь. Младина сразу поняла: они мертвы, – хотя раньше не задумывалась, могут ли умереть русалки. Видя, что она смотрит на них, они заволновались, заколебались, желая приблизиться и не смея. Вот одна с бессловесной мольбой протянула к Младине руки. Они не могли выйти из тени, показаться на поляне, где сияет, не видимое для смертных, лицо солнечной женщины.

Тогда Младина, воровато оглядевшись и убедившись, что сестры заняты болтовней и ее не замечают, переместилась к кусту: дескать, упарилась на солнце и хочет посидеть в прохладе. Русалки заволновались еще сильнее, будто стебли водяной травы в быстром течении, но по-прежнему лишь простирали к ней руки и молчали. Вблизи она видела, что черная кровь заливает всех четырех – от горла до самого подола.

– Кто вы такие? – дрожащим голосом шепнула она, но уже почти не удивилась тому, что видит не видимое для других и слышит неслышное. – Чего вы хотите?

– Мы пришли к тебе, Младина! – отозвалась та, что стояла впереди.

– Мы хотим принести тебе жалобы! – подхватила другая.

– Мы хотим искать мести!

– И мы хотим... чтобы ты позволила нам уйти! – жалобно протянула последняя.

Она была кривобока и стояла, сильно перекосившись, что придавало ей особенно жалкий вид. И кто мог так жестоко обойтись с несчастной?

– Мы не можем уйти, пока наша месть не свершена!

– Не можем уйти, пока не принесена наша жалоба!

– И пока за нас не отомстят, никто не примет даров!

– Пока злодей не будет наказан, наши сестры не принесут росу на ваши поля!

Младина испугалась. Если русалки не примут жертвы и угощения, откажутся помогать людям растить урожай, то и это празднество бесполезно, да и все тяжелые полевые работы тоже.

– Кто вас обидел? Кому вы хотите отомстить?

– Мы и убиты беззаконным образом, и сама кровь наша взывает о мести! – Старшая показала на свою окровавленную грудь. – Топор убийцы подсек нашу жизнь, свалил наземь

наши белые тела, уронил в палую листву наши золотые косы! Нам доверили хранить межу, принесли жертвы, заключили ряд, и мы честно берегли доверенное нам. Но когда топор подсек наши кости и жилы, мы погибли и уста наши умолкли! Мы больше не можем передать врученную нам истину и видим, что это грозит немалыми бедами! Никто, кроме тебя, не в силах услышать нас.

– Вы... вы – духи межевых берез! – осенило Младину.

– Да, это так! – Все четыре закивали.

Младина едва удержалась, чтобы не вскочить. Это духи тех срубленных берез, которыми Хотиловичи обозначили границы выбранного ими участка под будущее поле! Тех самых межевых деревьев, которые потом искали люди двух родов, но нашли лишь четыре пня, которые ровно ничего не могли доказать. Сколько шло разговоров по всей волости, но так и осталось неизвестным, кто срубил березы и виновны ли Леденичи. И вот ей, ей одной сейчас откроется тайна!

– Кто он? – шепотом потребовала Младина, впиваясь взглядом в тускло горящие глаза мертвых вил. – Назовите его имя!

– Мы не знаем... – горестно прошелестели вилы-навянки. – Никто не назвал нам его имя... Мы знаем лишь имена тех, кто доверил нам хранить межу...

– Но как же я смогу помочь вам отомстить, если не знаю его?

– Мы покажем!

– Он придет сюда!

– Мы укажем его!

– Мы помним...

– Помним... – угрожающе шелестели мертвые вилы.

Только это они теперь и могли – помнить того, кто до срока прервал их жизнь.

– Позволь нам увести обидчика с собой! Мы возьмем его в искупление, и ляжет роса на поля, и все пойдет, как богами велено.

– Забирайте негодяя! – гневно шепнула Младина.

– И тогда ты позволишь нам уйти? – с мольбой протянула старшая.

Младина понимала их страдание: пока долг мести не уплачен, они не могут удалиться в Навь, чтобы потом снова возродиться, оживив крохотное березовое семечко. А пребывать между миром живым и миром мертвых для духа дерева, должно быть, не менее тягостно, чем для человека.

– Тогда вы сможете уйти, – уверенно подтвердила Младина.

Она уже знала, как это будет. Она видела под ногами мягкую, манящую черную бездну – это вовсе не пугало, бездна звала, обещала покой, сон, отдых, а потом новое рождение, с новыми силами. Она, бездна, была колыбелью, питающим и взращивающим материнским лоном, куда возвращается все, что когда-то жило, и это возвращение – залог того, что некогда живое и умершее будет жить опять. И ей не составляло труда отправить туда духи мертвых берез – только протянуть руку.

Но она не делала этого, потому что они еще нужны здесь. Им предстоит указать своего убийцу.

* * *

Утром девушки опять спозаранку сошлись в роще. Снова угостив березы, чтобы не сердились, нарезали свежих ветвей, сплели из них жгуты и стали окутывать ими Лелю-Веснояру. Но дело не ладилось: жгуты сваливались, будто живые змеи, и как их ни пытались обматывать вокруг тела и переплетать между собой, стоило ей чуть шевельнуться, как все снова сыпалось в кучу возле ног. Веснояра чуть не плакала, девушки-помощницы шептали в досаде: «Да стой же

ты спокойно!», думая, что ее непоседливость мешает им делать дело. Она и старалась стоять спокойно, но против воли пожималась, чесалась, дергалась.

– Кусают тебя, что ли? – спросила Домашка.

– Ветки больно уж колются! Прошлый год я не замечала, а теперь просто сил нет!

– Терпи! – хмыкнула Ледана, светловолосая и рослая полуголядка, которая сильно завидовала, что не ей опять досталось «ходить Лелей».

Веснояра и терпела, но морщилась все сильнее. Угляна качала головой. Когда наконец удалось закрепить на Веснояре зеленый наряд, уже и она, и помощницы покраснели от досады, устали и разозлились, а остальные девушки соскучились сидеть на траве и петь «Русалочка-душечка, серая кукушечка».

На голову Веснояре надели огромный венок из травы, ветвей и цветов. Поверх березового платья выпустили волнистые пряди расплетенной косы, и теперь девушка как никогда напоминала саму Солнцедеву, богиню Солонь. Когда наконец она была готова, а прочие выстроились парами, чтобы идти за ней, она, усталая и раздосадованная, с трудом держала на лице улыбку. И Угляна смотрела на нее все более и более тревожно.

Пришла наша весна красна, —

запела шедшая первой Домашка.

Ой, Лели-Лели, весна красная! —

подхватили прочие, и шествие двинулось.

Каждая девушка держала в руках пару березовых ветвей, так что они все вместе напоминали наряженную рощицу, собравшуюся погулять.

Но едва Веснояра успела сделать несколько шагов, как споткнулась – запуталась ногами в траве – и упала. Все ахнули, сбились с шагу, наткнулись друг на друга, замерли в недоумении. Потом кинулись ее поднимать. Сама она, увитая ветвями, не могла даже встать, ей было трудно шевелиться.

– Ой, да все ж повяло! – вдруг в изумлении ахнула Лисена. – Гляньте, девки, березки-то засохли!

Девушки сгрудились, рассматривая Веснояру. Ветви, составлявшие ее одеяние, высохли, как срезанные дней десять назад. Сухие свернутые листики печально шуршали, ставшие жесткими согнутые ветви так жестоко царапали тело, что она морщилась от боли, едва сдерживая слезы.

– Ой... не могу... ногу зашибла! – Одной рукой опираясь на Домашку, Веснояра пыталась нагнуться, чтобы осмотреть ушибленное колено.

– Раздевайте ее! – велела Угляна. – Не угодна она нынче вилам.

– Но почему? Как это может быть? – загомонили девушки. – Всегда была угодна, а теперь нет?

– Стало быть, есть причина, – сумрачно отозвалась Угляна. – Ломайте новые ветви, вот она «березкой» пойдет.

И указала на Младину.

– Почему она? – оскорбилась Ледана. – После Веснояры я старшая!

– Пусть Ледана идет, – согласилась Младина. – Она и ростом выше.

В последнее время она старалась не привлекать к себе внимания. Да и как знать, если она вздумает «ходить Лелей», не выкинут ли своенравные духи нечто такое, что обнаружит перед всеми ее странности?

– Хорошо. – Угляна не стала спорить. – Только, девки, смотрите, ни слова кому, что «березка» уже одетая упала. Скажем, что по дороге в рощу споткнулась. А то слухи нехорошие по волости пойдут, начнут люди неурожая ждать, разгневают богов да и допросятся беды себе на головы. Боги ведь слышат – чего все ждут, то и сбудется.

Девушки испуганно закивали. В невестах ходят обычно недолго, поколения тут меняются через год-другой, но даже от матерей никто не слышал о таком, чтобы вилы отвергли выбранную «березкой» – лишили ее зеленого одеяния и не выпустили из рощи!

– Идемте, ну! – подтолкнула подавленных и оробевших подруг Младина. – Надо новую зелень набрать, да поживее, а то люди ведь ждут на полях. Неладное почуют.

Пока девушки ломали новую зелень, Угляна и Лисена помогали Веснояре освободиться от старой. Однако высохшие ветви стали такими жесткими, так плотно сплелись, образовав почти непроницаемый кокон, что их приходилось ломать; то и дело обломанный острый конец задевал кожу девушки. Веснояра, вся исцарапанная, причитала со слезами боли на глазах.

– Подумай, может, ведаешь, за что злы на тебя вилы? – шепнула ей Угляна. – Просто так ведь ничего не бывает!

– Ничего я не знаю! – в досаде и отчаянии отозвалась Веснояра. – Все по обряду делали... ничего не нарушили... ты же сама за всем глядела!

– Не сейчас. Может, раньше в чем ты перед русалками провинилась?

– Не знаю я ничего!

Наконец набрали новых ветвей и одели Ледану. Векша тайком шептала сестрам: голядка-де и больше на березу походит, такая же долговязая, тощая, руки костлявые, ровно сучья! Младина заняла место в паре с Домашкой, и шествие снова отправилось.

Пришла наша весна красна, —

заново запела Домашка, боязливо оглядываясь на Ледану-«березку».

Ой, Лели-Лели, весна красная! —

неуверенно подхватили остальные, готовые каждый миг остановиться, если и с этой «березкой» что-то будет не так.

Но Ледана шагала ровно, хотя тоже боялась: а вдруг русалки в этом году вовсе не желают обряда? Вдруг будут душить всякую, кто наденет зеленое платье, и ей тоже придется боками поплатиться за эту честь? Она уже жалела, что выскочила вперед – пусть бы Младину вели! – но отступить было поздно.

Однако все шло благополучно. Когда шествие выдвинулось из рощи и приблизилось к первым полям, Ледана улыбалась уже вполне уверенно. Люди в удивлении поднимали брови – все ожидали увидеть во главе невест другую девушку, – но мало ли что там у них, у девок, главное, чтобы обряд шел своим порядком.

Хозяева каждого поля припасли пару ведер с речной водой, и теперь, когда шествие двигалось мимо, хватали ведра и выливали воду на Ледану. Озорничая, старались задеть и прочих девок, так что скоро все уже были мокрые. Стоял визг, смех, вопли, прерывающие пение, старики и молодые веселились заодно. Парни нарочно старались окатить из ведра или хоть из ковшика ту из девок, которая нравилась, а та в ответ хлестала негодника березовыми ветвями. Затевались погони вдоль края поля, возня, шуточные драки, кто-то уже покатился в обнимку по первым росткам, вопила девка, боясь за белую нарядную сряду, орала старуха, что-де помнут всходы. Иные седобородые отцы семейства с не меньшим проворством гонялись за мокрыми девчонками, под смех собственных детей и брань своей старухи.

Ходили долго, чуть не весь день, обходя все ближние поля у Овсеновой горы. Несколько раз присаживались, хозяева поля выносили угощение – все те же яйца, творог. Хлеба и пирогов почти не было – они пока лишь проклюнулись из земли зелеными травинками. Ледане-Леле есть, как и говорить, не полагалось, она только пила понемногу молока, и к концу обхода едва держалась на ногах. Прочие девушки тоже устали и охрипли от непрерывного пения, хоть и отдыхали по очереди.

Но наконец обход завершился, впереди показалась опушка березовой рощи. За первыми деревьями их встретила Веснояра: весь день она просидела там, дожидаясь сестер и подруг. Не могла даже встать, но едва обход полей закончился, как боль в колене утихла сама собой. Только красные свежие царапины на всем теле и на лице напоминали о гневном русалок.

* * *

В ночь перед Купалой Младине приснился новый сон – да такой, что проснуться и осознать себя лежащей на полатах в избе показалось чуть ли не горем. Во сне она шла прямо по небу – под ногами лежал прозрачный голубой простор, но она ничуть не боялась, будто родилась для жизни здесь. Вровень с собой она видела белые облака, где-то пообок, то ли внизу, то ли просто вдаль, расстилались зеленые луга и леса, похожие на зеленый мех. Вокруг сиял свет – теплый, радостный, ласкающий, но источника его было не видно, и порой казалось, что она сама и излучает этот свет, несет его с собой. Расплавленное золото, смешанное с розовым, разливалось по небу вслед за ней, захватывая небосклон, зажигая облака, бросая пламенные отсветы на воду рек и озер, лежащих далеко внизу.

Она шла не просто так – у нее была цель, она ожидала свидания, и ожидание это наполняло ее счастьем. Тот, к кому она направлялась, сейчас спал, и она знала, что ей предстоит его разбудить. И радовалась – так радовалась предстоящей встрече, что ликование, счастье сбывшихся надежд и ожиданий просачивалось наружу прямо сквозь кожу и наполняло все вокруг этим ясным золотистым светом. Она грелась в лучах своей любовной радости и подобного счастья, проникавшего в каждую жилочку, не испытывала никогда раньше и даже не догадывалась, что оно возможно. Сейчас... еще немного... еще несколько шагов, несколько вздохов, и он появится у нее перед глазами наяву, как она столько раз видела его в мечтах!

Вот впереди показалось белое облако. Она приблизилась, осторожно развела невесомый полупрозрачный пух, сквозь который ее руки свободно проходили, зажигая и его этим мягким сиянием. Он был перед ней – зрелый мужчина, рослый, могучий, с золотистыми волосами и такой же бородой. Он спал, и облако содрогалось в такт его глубокому дыханию.

Она замерла, не сразу решившись нарушить его покой. Хотелось умереть сей же миг – и жить вечно, чтобы вечно стоять здесь и смотреть на него. Никто не мог быть прекраснее, и ничто не могло сделать ее более счастливой, чем вид этого лица, дышавшего уверенной силой, теплом, животворящей мощью. Здесь конец ее долгого пути – и начало нового мира. Где он – там всегда начало, потому что именно он зарождает жизнь во всемирье.

Наконец она опустила руку и коснулась его плеча. И тут же он открыл глаза – голубые, как само небо, сияющие, как небесный огонь. Их взгляды встретились, его сонное лицо оживилось, по нему разлилась мягкая улыбка, выражавшая радость и удивление. Младина опустила руки, подняла их снова – в ее ладонях искрилась вода. Она протянула руки к нему, он подставил свои, она перелила в его ладони эту воду, и он окунул в нее лицо, потом снова взглянул на нее. Вода текла по его лицу, капли горели в бороде и на светлых бровях, а в промытых голубых глазах сияло солнце. Падая вниз, эти капли дождем проливались на леса и нивы, и там внизу тоже все начинало сиять.

Он смотрел на нее с благодарностью, так же обрадованный этой встречей, как и она сама; вот он простер к ней руки, желая обнять, Младина подалась к нему навстречу...

Но сколько она ни тянулась, достать не могла, он был вроде бы близко, но все равно далеко...

И вдруг показалось, что их разделяет огромное пространство. Они стоят на противоположных концах мироздания, между ними – весь мир... и вокруг нее – тьма...

Но не успела Младина испугаться тому, что так от него оторвана, как проснулась.

Это было как падение с огромной высоты. Тело ее не пострадало – Младина вообще пока не чувствовала никакого тела, – но душа ушиблась так больно, что хотелось плакать. Она пережила во сне такое счастье, о каком и не подозревала, но проснулась и убедилась, что это только сон!

Но нет. Сейчас ведь время свадьбы Лели. Так не сама ли юная богиня весны ходила рано поутру будить своего божественного жениха. Перуна...

Младина села на полатах – пришедшая мысль чуть не разорвала ее. Это Перун! А она шла к нему, потому что любила его больше всего на свете... как может любить богиня, мать всего сущего. Эта любовь наполняет всемирье жизнью, потому она – солнце, озаряющее небосвод. И сейчас внутри нее было горячо от этой любви, и казалось, что нет на свете дела важнее, как идти ей навстречу. Вот прямо сейчас встать, опоясаться да идти. Угадать бы еще куда...

«Ты – мои глаза, способные видеть... *его*, – вспомнился голос, звучащий из живой серебряной тьмы. – Ты – моя любовь к нему, способная жить в земном мире, ведь сама я не могу к нему приблизиться. Когда я молода и красива, когда силы мои велики – он спит, и даже мои слезы не в силах разбудить его. А когда он просыпается и входит в силу – я старею, дряхлею, дурнею и сама скрываюсь во мраке, чтобы не внушать ему отвращения моим старческим безобразием. Мне не дано поймать его веселый взор, в котором блестит огонь жизни и мощь его страсти, не дано прикоснуться к нему, обнять его, ощутить его любовь! Жить в том мире, где есть он, я могу только через тебя. Ты и есть моя любовь к нему, живущая в его светлом летнем мире...»

И сейчас, еще не совсем потеряв незримую небесную тропку между сном и явью, Младина отчетливо вспомнила ту ночь – избушку в Нави, лунную женщину. Эта женщина – Марена, Лунолика, Кошная Владычица. Мать Мертвых... та самая, что в Медвежий день бросила на юную девушку последний взгляд перед тем, как уйти из земного мира на целых семь месяцев. И с этим взглядом она передала Младине частичку своей души, чтобы жить в ней, живой девушке, весной и летом, во время владычества Перуна и светлых богинь, которым одряхлевшая Марена в первые дни весны уступает место. И вместе с душой она вложила в Младину свою любовь к Перуну – то, что и держало ее здесь, делало таким горьким расставание с миром тепла и света, где он правит. И чем более возрастали его силы, тем сильнее становилось и влечение к нему Младины – или Марены. Сегодня, в день его свадьбы, настало долгожданное свидание. И он ее увидел, он был ей рад...

Но кого же он увидел? Уж наверное, не Младину Путимовну, Леженеву внучку, гордую в своей новой красной поневе!

Младина торопливо сползла с полатей и побежала умываться. То, что ей вдруг открылось, было слишком много для нее. Она, девушка из сежанского рода Заломичей, слишком мала, чтобы вместить божественную мощь. Хотелось смыть с себя это все, но не получалось – она умывалась на дворе, у колоды, и казалось, что не от встающего солнца вода стекает наземь, полная золотистого блеска, а от ее лица и рук...

* * *

Веду я русалку от бора до бора,
Русалочка-душечка, серая кукушечка,

Больше нам не кумиться, не дружиться,
Пришла пора разойтись.

Последний раз в этом году девичье шествие обходило поля. Хозяева провожали их поклонами, уже без обливания водой и прочего озорства. Женщины держали огромные охапки собранных на заре целебных трав, обернутых в чистое полотно. Все, даже мужчины, были в венках, с зелеными жгутами из травы вместо поясов. Парни, тоже нарядные и увитые зеленью, встретили «березку» прямо за рощей и шли позади, громкими криками и свистом провожая русалок прочь из земного мира. Младина помахала рукой на ходу поклонившемуся ей Данемилу; сердце радостно забило в ожидании. Но заметила она и Травеня.

Что же ты, березонька, не зелена стоишь? —

запевала она, стараясь не подать вида и притворяясь, будто все идет как нельзя лучше.

Лелюшка-Леля, не зелена стоишь? —

хором подхватывали прочие девушки, оправляя венки и задорно поглядывая на парней.

Аль тебя, березонька, морозом побило?
Морозом побило, инеем прихватило?
Лелюшка-Леля, инеем прихватило.
Инеем прихватило, солнцем присушило?

А Веснояра отвечала из гущи своего зеленого убранства:

Нет, меня, березоньку, морозцем не било,
Морозцем не било, солнцем не сушило.
Красны девушки веночки завили,
Веночки завили, веточки ломали,
Веточки ломали, в речку бросали.
В речку бросали, судьбу загадали...

День выдался странный: то проглядывало солнце, то натягивало облака, поднимался ветер, обещая к вечеру грозу. На Купалу часто бывает дождь, но никогда еще это не волновало Младину так, как сегодня. Казалось, весь мир колеблется на грани Того и Этого света, не зная, куда склониться; она видела то яркий солнечный свет, то серые тени; возникало странное чувство, будто само ее тело столь огромно, что вмещает весь мир в себя, что все видимое глазу и даже невидимое находится внутри нее. И это ее дыхание рождает порывы ветра, колеблющие верхушки леса. Она шла среди девушек, сразу после Веснояры, в паре с Домашкой, и видела одновременно траву, по которой ступали ее ноги, и черную бездну, над которой она плыла, как облако по небу, при этом оставаясь где-то в самом ее неизведанном сердце. Она пела, смеялась, улыбалась парням, размахивала березовыми ветками, и при этом не могла избавиться от чувства, что ось равновесия мира проходит через нее и важно ничего не уронить; делая каждый шаг, она боялась, как бы не раздавить ненароком целую волость с полями, весями и людьми.

Миновали поля, пошли через лес. За кустами мелькнула серая мохнатая спина. Кто-то крался там, не показываясь, и хотя девушки знали, что за ветвями таится кто-то из старших парней, накинувший волчью шкуру, все равно было жутко.

«Волк» вдруг выскочил из-за кустов, схватил ближайшую к нему девушку – это оказалась Кудрявка – и потащил истошно вопившую добычу в лес. Прочие девушки завизжали, стали звать на помощь, парни закричали, колотя палками по стволам, как загонщики на настоящей охоте, потом кинулись вдогонку.

Младина, несмотря на небольшой рост, отличавшаяся бойкостью и проворством, сперва мчалась впереди и почти настигала «волка». Рослый плотный парень, по имени Лось, тащил Кудрявку сноровисто и умело – перекинув через плечо, головой назад, и придерживая за ноги, – но та дергалась, хваталась за ветки и всячески мешала ему, к тому же отчаянно вереща от боли, когда коса цеплялась за что-нибудь.

Погоня с шумом и гамом катилась между деревьями, голоса отражались от стволов, и казалось, вся роща кричит, бежит, ловит... Младина видела множество белых прозрачных фигур – привлеченные шумом и весельем русалки то показывались из стволов, то снова прятались, то слетали с ветвей, то ловко запрыгивали обратно, как раз когда кто-то из молодежи норовил проскочить через тело невидимой для него нежити. У Младины закружилась голова: живые и неживые метались перед ней, наталкиваясь друг на друга и смешиваясь, парни и девки иногда вдруг застывали на месте, не понимая, отчего пробрало внезапной дрожью – в полосу холодной тени, видать, занесло?

Сперва замедлив шаг, Младина остановилась, прислонившись к березе, закрыла лицо руками – она боялась идти дальше, не понимая, где люди, где нелюди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.